

Денис Бородулин

Рай находится в тени мечты

18+

Денис Бородулин

Рай находится в тени мечты

«Автор»

2026

Бородулин Д.

Рай находится в тени мечты / Д. Бородулин — «Автор», 2026

Мир убедил всех, что главное в жизни — мечта. Но его мечта — захватить весь мир. Другие цари против. Это не история о герое, который его остановит: повествование ведётся от лица «злодея». Для мира он — безликий преступник из-за мечты. А мир для него — те, кто не решается изменить свою роль. У него царство, судьбы предшественников и сомнения. Он ставит на кон личность: в случае неудачи станет одним из тех безликих, которых мир и видит в нём. Это его исповедь, но на чьей стороне окажется читатель?

© Бородулин Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

предисловие	5
от истории ведёт тропа к теории.	6
что ведёт к новому миру?	12
душа в трёх словах	18
человек, что вышел из моды	26
где живёт иностранец?	31
учиться, учиться дабы не смириться	37
фронтаспис: бразды рутины	41
спор двух культур	43
величие с полупустым содержанием	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Денис Бородулин

Рай находится в тени мечты

*Сказанное — уже сказано, и нечего
похваляться последующим поколениям
речениями предков своих. Не
произносил ещё нового говорящий,
но он скажет его. А другой не
добавит ничего своего к словам
предков и только промолвит: „Вот
что говорили некогда предки“, — и
никто не узнает, что он сам
намеревался сказать. Поступающий
так — ищет гибели своей, ибо ложь
это все, и не вспомнят другие
имени его»*
(*Хах recto 3-6: Книга Екклесиаста*).

предисловие

Мы знаем, как изобразить всё, что можем увидеть. Но как же изобразить то, благодаря чему мы можем всё это увидеть, то бишь, как изобразить наше сознание? Может, просто изобразить наш главный орган на рисунке? Нет, он может быть и мёртвым. А раз так, то какое же сознание будет у мертвеца? Может, какая-нибудь формула? Нет, это просто изображение, в сути своей ничем не отличающееся от дерева. И только благодаря сознанию мы придаём ему смысл. Но это не изображает наше сознание. Да и формула быть может, она ошибочна? Или символы в ней случайность? Может, тогда ближе всего к ответу будет цепочка заключений отдельно взятой души? Видишь, что было, чем стал, через что прошёл, из-за чего произошли изменения. И главное, видишь предмет не как объективность, а как отражение сознания. Если в предмете не было нужды для следующего звена, то предмета самого и не было. Было нечто кратковременное, в чём не было нужды запоминать.

от истории ведёт тропа к теории.

Говорят, о том, о чём вспомнишь через вечность, и что не можешь забыть, то именно то и сформировало тебя, даже если это был один из тысячи похожих случаев. Мне кажется, всё началось именно в тот вечер, когда наконец остался один и спешил в библиотеку к финалу последней главе одной истории. Тогда такими гармоничными казались длинные коридоры в замке, будто были созданы для моего промедления, дабы растянуть максимально моё ожидание. Хорошо, что специально оставил последнюю главу на потом, дабы имелась возможность обдумать всё и поверить в невероятное, что может быть всё иначе, чем твердит мне логика.

С невиданным ранее трепетом вчитываюсь в строки в ожидании чуда, хоть и понимаю, что его не бывает. Но всё же отвлекаюсь от напоминаний шрамов на душе полученных от прошлых моих верований.

Покорив всю восточную область континента, Низар отправился в центр, минуя пророческую башню, что так часто встречается в мифах его народа. Его молодое войско дерзко, а многочисленные жрецы рьяно требовали вначале штурмовать её, а затем город. Но, поскольку на штурм башни ушёл бы не один день, а промедление было смерти подобно, Низар решил идти на Амурот. Другие же историки говорят, что он испугался, ведь множество смельчаков старались покорить ту башню, да только никто не вернулся: кто-то погиб, другие, (говорят, по неподтвержденным источникам) до сих пор бродят там, хотя нет никаких тому доказательств. В середине лета войска Низара форсировали реку Нигдею, которая по чудесным обстоятельствам успела усохнуть. Этот манёвр оказался неожиданным для амуротчан. И остался перед Низаром лишь только он, великий город Амурот. С юга к Амуроту спешили на помощь бывшие рабы, которым обещали свободу, смывание позора и начальный капитал в обмен на победу. С севера спешил весовидец Тарьяна. Хоть его войско не славилось храбростью или силой, это с лихвой компенсировалось его военачальниками.

Войска Низара успели дойти крепости до объединения численности рабов и военачальников тарьян. До сих пор историки не пришли к единому выводу, что сподвигло Низара выбрать из трёх направлений вариант штурмовать город. В данный момент приоритетная точка зрения историка Агердора: рабы были нерегулярной армией, вполне возможно, если удалось мгновенно ворваться в город, они могли примкнуть к Низару, а войска весовидца не были в состоянии ни тягаться с численностью рабами, ни взять в осаду и тем более штурмовать Амурот. Также Эгедор, изучая раскопки маршрута Низара, указывает на найденные тела, что были зверски казнены, что может свидетельствовать, опять же по мнению Эгедора, что после ухода от башни ореол Низара стал рассеиваться. И потому он решил лично воодушевить их штурмом самой высокой башни в Амуроте для переломного психологического эффекта. В случае победы Низара королевство Амурот фактически перестанет существовать. Потерпев поражение, весовидец заключил бы с ним договор, открылась бы возможность для нашествия на север. А на востоке только оставалась дикая академия, что явно не смогла противостоять напору Низара.

На утро войска Низара стремительным броском стали штурмовать восточное направление замка Амурота. Усилив северное направление, они остались уязвимыми для юга. Северное направление увязло в единоборствах, по сути, разбившись на фрагменты, сказывалась численность пигмалионцев. Рабы же проявили некую инертность, хоть ими и руководили полководцы амуротчан.

Сражение складывалось в пользу Низара. Оставался лишь момент воцарения на башне со своим флагом, что должно придать новое вдохновение войску, которое уже стало пропадать, чему свидетельствуют проблемы на севере и всё-таки продвижение с юга рабов.

Но войско Низара стало полностью деморализовано после того, как оно поголовно остановилось ради созерцания восхождения своего героя, которому оставалось пару метров. Но вместо величия они увидели его стремительное падение. До сих пор неизвестно, сорвался ли он сам, или ему помогла некая стрела.

К упавшему телу начали стекаться пигмалионцы, которые, видимо, некоторые из них считали, что он выжил, ведь не мог герой просто так погибнуть.

Неразбериха, паника, апатия к борьбе — в таком настроении осталось всё войско, у которого к тому уже давно исчезло вдохновение.

Итог: мировое зло в лице Низара повержено. Пигмалионцы проиграли войну за независимость и полностью потеряли автономию. А правитель тарьян с помощью амуротчан смог завоевать большую часть севера. Бывшие рабы же слились с гражданами. Низар, хоть и вошёл в историю, но повторил древний тезис: не может человек завоевать весь мир.

Сейчас, когда слёзы опустошили всё моё нутро, могу наконец рассуждать здраво. Ну ведь знал, знал, что так и будет, зачем обманывался тогда. Всё как и всегда: вначале смеюсь над заявлениями и так не хочу привязываться, но по мере продвижения к заветной цели не могу не привязаться. И после какой-то битвы моё отчуждение сменяется дикой увлечённостью. И читаю сражения, то и дело отходя, дабы успокоиться, ибо его судьба для меня становится важнее моей. Готов сам нырнуть туда и помочь ему, да нельзя. И чёрт возьми, они все доходят до шага от мира, и у всех намечается какое-то препятствие: ранняя смерть, предательство, не высадка войск, даже погодные условия, то вот падения со стены.

Почему-то ему сопереживал, знал, что он обречён, и он это тоже ведь знал, ибо нельзя захватить весь мир. Но с каждым шагом у меня всё сильнее были сомнения, а не возможно ли это. Когда началась осада, чуть было не начал грызть ногти, думая: а может, у него всё получилось, а мир потом развалился до нынешнего состояния, но нет.

И меня опять проверили. И всё резко потеряло какой-то смысл. Ничего не охота делать, сил нет, полностью изнурен. Известие о подтверждении несбыточности мечты, по-другому и не могло проявиться. Обиднее того, что понимаю, ведь к новому претенденту так же отнесусь, покорюсь и снова меня постигнет разочарование. И с каждым крахом моей мечты словно погибает часть меня.

Неужели раз нельзя захватить мир, то, что может быть вечно в этом подлунном мире?

Мне часто говорили, мол, мир нельзя объединить, нельзя его захватить, что-нибудь да случится, ведь путь этот проклят. Конечно, мне это говорили, дабы не вырос тираном, которого интересуют одни завоевания. И если честно, у них это получилось. Мне правда кажется, что этот путь несет печать незавершенности.

И тут же мне вспоминается рассказ, который сильно меня впечатлил в моем детстве. Мальчишка погнался за звездой и так поднимался всё выше и выше, пока чуть было не поймал её за хвост, да провалился на следующем шагу в бездну. И проделал себе путь сквозь горы, используя лишь ногти, а когда вышел, стал уже давно стариком. С матерью обнялся, и та погибла, отдав ему силы.

Давно не вспоминал тот рассказ. Видимо, натолкнула меня на это падение Низара, или то, что недавно видел собственными глазами комету. Как же жаль, что так и не смог найти по этому описанию, то произведение.

— Чего такой, сегодня грустный? — отвлеченно спросила меня библиотекарь, продолжив раскладывать книги на верхних полках.

— Ожидал другого исхода из сюжета.

Библиотекарша спустилась по лестнице, ворча, почему ей досталась не модель из Ньюка. Взяв у меня книгу, она резко поменялась в лице:

— Это же книга по истории, какой другой сюжет там может быть?

— Мне казалось, точнее, мне верилось, что Низар сможет завоевать весь мир.

— Но как бы сейчас ни одна страна, даже Север разделен на 8 стран. Это же логично

— Оставлял шанс, что, может, он объединит весь мир, а затем тот распадется уже после его гибели.

— Нет, мир завоевать нельзя, даже никто Север не может объединить, какой там мир. Ты же помнишь когда была попытка лорда из тарьяна объединить север, он споткнулся об сопротивление Кеси. Так получается, разочаровался рассказом?

— Нет, наоборот, вдохновился. Точнее, успокоился.

— А что будешь читать после? У меня к тебе два варианта. Первый вариант — «Иосиф и его братья» Манна. Множество его полюбили, когда древняя правительница употребила на современном языке известное выражение. Это такой юмор, древние люди изъясняются и комментируют современных ученых.

Второй вариант, что-то современное, до сих пор не поняла, рассказ то ли в письмах, то ли в воспоминаниях.

— Зачем же писать в письмах, если ты убиваешь всю интригу?

— Эти писатели говорят, мы убиваем иллюзии. Ну, в каком моноромане ты согласишься в опасность для главного героя, когда он попадет в логово людоеда? А если нельзя поверить, к чему эта игра в фальшь? А помести эти события как воспоминания или письма, сразу понимаешь, что он выберется от людоеда. Это оправдание повествования и придача ему некой реалистичности. Хотя на самом деле, моё мнение, что так любые несостыковки сюжета оправдываются самообманом персонажа или его игрой. А забывчивость сюжетных моментов, ну это не автор виноват, а персонаж. А автор не бездельник, а профессионал, придумал персонажа, что может забывать, якобы реализм.

— А почему там и там упоминания прошлого?

— Но вы ведь любитель прошлого. Вы ведь столько прочитали о полководцах.

— Нет, вы меня совершенно не знаете.

— А знаете ли вы себя, чтобы такое опровергать?

От конфликта решил сменить тему:

— Пожалуй, возьму Манна, — хотел было уйти, но интерес взял верх. — Подождите, не понимаю, а почему от лица одного персонажа?

— Люди стали крепче рассудком. Нет такого человека, чтобы удивительно рассказал с двух позиций, вообще это оскорбление людей, считать, что можно говорить за всех. Плотно можно говорить лишь от одного персонажа, и поверхностно от всех остальных. Любой шаг в сторону — уже пародия.

Они называют это «театром теней». Мол, освещаешь лишь с одной стороны картину мира, а остальные персонажи — не более чем плоские марионетки, что висят на нитях. Они видят в этом не ущербность, а честность. Ибо человек не солнце и не может говорить за других людей. Как говорится, не бывает двух голов в одном человеке. А если и имеется, то это болезнь или инвалидность.

Это своего рода обличение и усмешка: мол, раз вы любите других персонажей, то вас обманули. Другие персонажи всегда плоские. Автор — не кто-то, спустившийся с небес, он, как и все, может говорить лишь за себя одного. Мотивы других, как и в жизни, скрыты и до конца не станут понятными. Как говорил основатель этого движения: «Не может быть в произведении

двух не плоских персонажей. Ибо если существует два таких, то персонаж разделится между двумя персонажами, а значит, уже персонаж плоский, ибо эта разность сочетается в одном человеке, то бишь в авторе».

Он следовал завету старого автора: «Познай себя». Там речь идёт только про себя, можно познать лишь себя, ибо чужая душа — потёмки. И это решение поддержали театры, ибо этот взгляд полностью снял противостояние книг и театра. Театр делают люди, книгу — человек. То бишь, в представлении на подмостках уже не может быть одного человека. Хочешь людей — иди в театр, хочешь человека — проникнись литературой. И знаешь, как это учение подхватили молодые и старые авторы! Ой, теперь все те сюжеты, что не адаптированы под театр, зовутся настоящими. Теперь те, кто пишут для театров, зовутся народными. И это совершенно другой вид искусства.

Почему детективы популярны? Но так они выполняют основную задачу якобы высокого искусства. Нынешнее искусство похоже на изысканный детектив: множество подозреваемых, у всех свои личные мотивы, мелкие детали, что одновременно говорят и всё, и ничего. Но вместо того, чтобы, подобно детективу, всё расставить по своим местам, показать, как сильно была важна каждая деталь, главный сыщик говорит: «Ну, здесь понятно, кто убийца». И на этом обрывается рассказ. И читатель чувствует себя обманутым. Кто убийца? Все ли детали были важны? И считает себя правым. Тезис: «Ну, вероятно, убийцей был садовник, как обычно, как и думал». Ключевое «как он и думал», и он убеждается что знает это. Он считает себя тем, кто моментально считывает искусство: «Жаль, потратил время. Ну, второго шанса не дам. Написано вроде бы многообещающе, а суть шаблонная. Убийца всячески палился». Когда на самом деле там двое убийц, которые покрывали друг друга и сваливали вину на садовника, что и была их истинной жертвой. Деньги должны были перейти садовнику от хозяина, а в случае обвинения садовника деньги перейдут им. Ну, а остальные жертвы случайны. Они убивали тех, с кем у садовника действительно был конфликт. И весь этот путь теряется ради чего? В детективах тоже иногда можно отгадать, даже пусть и сполна, но в них не остается места для сомнения в своем полном озарении творческого замысла.

Современное искусство должно не оставлять, а разъяснять свои мотивы и разъяснять сполна. Если художник не донесет все мотивы, искусство уйдет в пустоту. Только когда тебя избыток, ты почувствуешь жажду совершенствоваться.

— Надо же мне до этого казалось, что людям нравится обилие персонажей, эпопеи.

— Людям нравится, что они правы, и правы массово. Как говорил их якобы лидер: «Мы ещё не в состоянии избавиться от плотского тела, но в состоянии избавиться от тела хотя бы в литературе». Ну вы ведь знаете эти вечные дилеммы: борьба хаоса и гармонии, телесного и духовного, инстинкта и разума характерна не только для жизни.

Не мог не воспользоваться моментом, она меня односторонне избивала информацией, и чувствовал себя полным неучем, который пропустил, который не знает такого. Но здесь была близкая мне информация.

— Нет, нет, это вовсе не вечные вопросы! Духовное, телесное... а где разум, где чувства, что к чему относится?

— Но разум же, значит, рациональное. Чувства телесные, вроде бы как.

— Вновь нет! Рациональное значит не только разумное, а экономное. Вспомните хотя бы слово «рацион». И где будет он, а где рассудок? Но вот скажите, всегда ли экономия разумна? Если нет, то это не одно и то же. А рациональному противостоит, так скажем, фанатизм, то бишь полная отдача сил. И фанатизм идёт от чувств или от веры? Если от веры, то разве оно тогда не духовно? А если от чувств, то телесно? А если чувство и вера — это духовно, то что тогда телесно? Неужто то, что «экономно»? Чувства — возобновляемый ресурс, тело — нет. Вот и тянется оно к тому, что экономно. Вывод: вера и чувства — духовные начала.

— Хорошо, здесь про высокое и падшее.

— Падшее — это то, что греховное?

— Конечно.

— Вы ошибаетесь. Знаете ли, нам, когда отучали от перфекционизма, сказали: «Не стремитесь к идеалу, ибо он — это гордыня. Стремясь создать что-то идеальное, вы соревнуетесь с Ним, ибо кто, как не Он, мог создать нечто идеальное в этом мире?»

— А прожить без греха — разве не идеальное прохождение жизни?

— И это — наивысший грех — соревноваться не то что в деле, а в жизни.

— То бишь ты говоришь, проживший без греха всю жизнь — это чёрт воплотил?

— Как говорится, наличие греха доказывает душу.

— То-то у нас духовное пропадает, но учащаются разговоры об идеальном. Это черти соблазняют нас или люди без души? Но постойте, общество стремится к безгреховности, гуманизм и всё такое.

— А в этом гуманном мире разве не появился атеизм?

— Ну, да ладно, вижу, ты не попадёшь в дилемму, вон как ты из них лихо выкручиваешься. Хотя да, помню, ты мне всё лето доказывал, почему воз, несмотря на мораль, движется. И как этому помогает лебедь.

— Выбор всегда имеется из двух. Это ещё замечал, когда читал сказания о путешествиях в ад: если ты сребролюбец и расточителен, всё равно окажешься в одном кругу. Ровно как яростен ты или пассивен.

— О, вы читали про ад? А что тогда для вас святость, если жизнь без греха — это чертовщина?

— Святость, как и профессионализм, проявляется не в отсутствии огрехов, а в реакции на их проявление. То бишь, иначе говоря, в самонаказании. Профессионал, споткнувшийся, будет ещё интенсивнее тренироваться, коря себя за тот промах. А поскольку истинное самонаказание никто не увидит, иначе оно не было бы истинным, то святость, как и профессионализм, может определить лишь тот, кто находится над царями. Пока не менее тренер наш так говорит.

— Вы сказали про тренера с таким трепетом, с таким волнением. Что-то у вас случилось?

— Нет, всего лишь навсего завтра финальный бой. Знаете, это может прозвучать наивно, но всю молодость мечтал стать смотрящим на арене. Подумать только, сколько времени проходил мимо этого трона.

— Трон? Они уже соорудили трон? Недавно же было обычное место.

— Не суть. А суть в том, что до сих пор помню, как, покидая арену, оборачиваюсь назад, будучи совсем уставшим, изнуренным — без конца тренировок. А он сидит, играет в азартную игру на интерес. Мне тогда он казался таким свободным. А после каждый раз подходил к нему и задавал вопросы, вернее, того мучал. Вначале они благородно отыгрывали роль, давали дельный совет. Но вскоре они встречали меня словами: «Опять ты». Не знаю, что мной двигало: может, желание занять их работой, пусть и бесполезной? Может, чувствовал власть, что такой свободный человек обязан мне подчиниться? Или вовсе нравилось присутствовать среди таких, высокопоставленных для меня лиц. И, честно, боялся, что когда мне выпадет эта честь, а эта честь выпадет лишь для тех, кто побеждает на арене, который, как вы знаете, проходит ежегодно. Мне они все всё припомнят и придут мстить. Порой даже задавался вопросами, как выкрутиться из безвыходных ситуаций. Нам говорили, что каждый из нас станет смотрящим. Но от меня как-то ускользала эта должность: то болел, то проигрывал в финале, то не вошедшим в лучшую форму попадал на фаворита. Боялся ответной мести, поэтому особо не был против поражения.

— А теперь понятно: тебе мешало всегда что-либо, как и полководцам, что грезили подчинить себе весь мир. Поэтому ты их собственно и изучал так влюбчиво?

— Возможно. Но сейчас всё иначе. Вижу последний шанс. Это не должно было дойти до последнего момента, это всё должно было решиться раньше. Не знаю, как так запустил ситуа-

цию. Но завтра всё изменится, зато теперь пробудут в должности смотрящего символическое время. И ведь вот чудо — совпадение! Завтра выступает тот боец, чьи бои и привели меня на арену. Этот бой нёс для меня колоссальное напряжение, ответственность, но теперь всё иначе. Сейчас спокоен. Если никто не может покорить мир за всю историю человечества, то почему стоит нарушить серию из побед на арене моего рода? Все из моего рода получали успех в моём возрасте. Гармония: нельзя покорить весь мир, зато законный успех от тебя не уйдет.

— Ты верил в мечтателей, что хотят покорить свет, но сейчас поражение их дарует тебе спокойствие и умиротворение. Да, ты взрослеешь.

что ведёт к новому миру?

Сегодня мне предстоит экзаменационный бой, в котором у меня будет лишь одна попытка. Вроде бы, смерть не грозит, но результат напрямую на меня влияет. Если бы не легенда о том, что моя ветвь рода неизменно побеждала хотя бы в одном розыгрыше турнира — это и считалось признаком крови правителей. И вот теперь у меня осталась последняя попытка, и черпаю уверенность из истории о моём трижды прадеде, который выиграл свой первый турнир именно с последней попытки.

Стоя в подвальной подтрибунной комнате претендентов, пытаюсь ещё сильнее сконцентрироваться на ходе предстоящего поединка. Перекатываясь с носков на пятки и обратно. Томительное ожидание последних слов учителя, хоть это и дань ритуалам, не более того. Но мою гармонию прерывает напутствие бойцу, который выйдет передо мной.

Учитель его спрашивает: «Что надеешься получить: славу или деньги?»

И тот мальчишка сомневается! Второе же кощунство и оскорбление. Разве это не издевательство — даровать тебе то, что ты самовольно потратишь на... на бытовое? Ибо разве не лучше даровать нечто незначительное, что никогда не продашь, потому что у этого собственно говоря нет цены? Тратить призовые — как расставаться с памятью, а не тратить — нерационально, ибо вскоре эта сумма обесценится.

— Успокойся, чего ты так сегодня нервничаешь, — говорит подошедший учитель. — Помнишь, что тебе всегда говорил? Твой соперник ничем не лучше тебя: две руки, две ноги.

— Но у него нет моего ранения с полуфинала, — подкалываю его.

— Не забивай голову, от шрамов навыки не теряют, их теряют, если только в голову прилетает. Так, не переживай, вспомни историю про рыцаря из Гандризеля.

— Помню, помню её, учитель.

— Нет, ты должен её повторить.

Не стал спорить и просто ещё раз повторил для его успокоения.

— Когда-то давно судьба столкнула на арене двух людей. Один был профессиональный боец, множество медалей, второй — трудяга. Они не поделили какой-то бытовой момент и спор решили на арене, на которой им предстояло пройти полосу препятствий. Итог битвы решался на последних секундах, они могли видеть друг друга лишь боковым зрением. Они потратили на прохождение где-то час, и победителя отделяло пару секунд. Трудяга выиграл то соревнование, хоть был физически более слабым и объективно более старым.

Результат шокировал публику, но куда нагляднее был их внешний вид: трудяга сразу упал с тяжёлой отдышкой, а с его тела было столько поту, будто он утонул. А боец был тоже уставшим, но мог стоять, и отдышки у него не было.

— Хорошо, а теперь мораль! — подгоняющее говорит учитель.

— Суть сказания такова: хоть у бойца было объективно больше сил, выиграл трудяга, который приложил все усилия. Пусть он, будучи на пределе возможностей, обошёл соперника всего на мгновение, но обошёл же. Боец был не на пределе, но он и не заставил себя быть на нём. В нём победило себялюбие.

— Пойми, не важно, какой у тебя предел возможностей, а важно то, сколько сил ты готов мобилизовать. Но тебе любой вояка скажет: мобилизуется организм лишь при угрозе жизни, при желании выжить. Посмотри на меня, — он по-отцовски развернул мою голову за подбородок к себе, — ты знаешь, почему из слабаков вырастают чемпионы, а из силачей нет? Слабые люди всегда живут в страхе, живут под угрозой жизни, они с детства привыкли мобилизовать весь свой организм.

И сейчас, вспоминая его слова, неужели он мне пытался донести, почему так много стало слабых? Когда ты слаб, над тобой постоянно нависает угроза, и она заставляет быть

максимально эффективным. Сколько речей слышал от общества к людям, так, по-моему, оно требовало быть эффективными, а не сильными.

— Послушай, — продолжил тренер, — когда ты ко мне заявился, сразу в тебе увидел будущего чемпиона. Весь закомплексованный, предельно неуверенный в себе, что-то там стоял в сторонке, падал от плевка, и даже младшая группа вытирала об тебя ноги. Ещё твоё нездоровое сердце осложняло путь становления. А сейчас ты на экзаменационном бое.

— Да, было время, а сейчас всё совсем другое.

— Да нет, ты таким же и остался, ну ошибся насчёт тебя, с кем не бывает. Видимо, ты таким и останешься до конца жизни. Тьфу.

После плевка он посмотрел на моё лицо внимательно несколько секунд, словно пытаюсь на нём что-то прочесть, и сказал: «Вот сейчас в тебе проснулся голод и жажда. Природой заложено правило: побеждает всегда голодный, и, по мне, это справедливо. Ведь или делишься едой, или погибаешь от рук голодного».

В моей душе была дилемма на момент выхода на бой: с одной стороны, убедительная речь тренера, что голоден — тот и побеждает, но с другой стороны, не могу игнорировать, что мне это принадлежит по праву, это... так успокаивает. Мне ничего не стоит это сделать, мне так же легко сделать это, как шагнуть куда-либо, и не знаю, что делать.

Если следовать зову крови, то идти спокойным, но без особой мотивации. Если следовать зову голода и жажды, то идти мотивированным, но в страхе, когда нет опоры. Никогда бы не предполагал, что такое скажу, но нет ничего сытнее крови. Когда в неё веришь, невозможно оставаться нуждающимся.

И очень скоро дилемма «кровь и жажда» превратилась в: будь разумней, не торопись, и тот побеждает, кому сильнее надо. Но сколько боев видел, слышал, то всегда спокойный боец побеждал. А экзамен — слишком высокая цена, чтобы ошибиться. А учитель? Что, он тоже мог ошибиться.

Но от сомнений отвлек меня он мой соперник. Если честно, завидую его позитивному настрою на бой. Мне никогда не быть таким. Помню, как он шёл на предыдущие бои, говорил прохожим, которые просили его отнестись чуть серьезнее к поединку: «Да ладно вам, за своими призами же иду!» — причём произносил их будто верил в это. И это его любимое высказывание: «Кто не рискует, тот гнивает». А после его короткий победно-радостный клич. Он относился к этому не как к жизни, а как к игре: повезёт — хорошо, нет — и ладно. Но видя как возвращается с победой тот боец, что был вместе со мной в подвале, как-то прихожу в себя.

— Ну что ты так, волнуешься перед выходом на арену? — спрашивал меня уже тренер, пытаясь успокоить.

— Нечего меня успокаивать, во мне нет никакого напряжения. Абсолютно расслаблен. Но вы знаете, мой прадед, мой дед и отец выигрывали этот турнир в моём возрасте, так чего мне тогда нервничать? Всё же решено, не так ли? Кто сказал, что рок не может быть благоприятным?

— Взрезать бы тебе за твою отчуждённость, да нельзя, у тебя через мгновение бой.

— Что так сильно отчужден?

— Сегодня больше чем обычно, стоишь прямо по центру коридора, смотришь так же прямо. Слева вон ребята прошли, а в твоих глазах будто они и не отразились. Вправо твой коллега по рингу ковылял после победы, а у тебя в глазах ничего. Ты словно камень, мимо которого проходит жизнь. Ну хотя бы сейчас ехидно посмотрел. Давай, пробуждай огонь в глазах.

— К чему огонь, если сам же говоришь, нахожусь посреди воды? Чтобы сразу же потухнуть? Что вода, что жизнь — одна суть.

— А у тебя что, огонь спрятан внутри камня, что ли?

— Подождите, разве может быть такое? Если внутри, значит, камень полый. Огонь не может быть без кислорода! Хотя в воде вроде имеется кислород.

— Хватит, Енон! Тебе уже пора на выход! Бегом! Давай!

Иду, спешно прокручивая в голове: а если камень в огне, но наоборот? И тогда вспоминается почему-то комета: камень в огне, может потому что в прошлом году её наблюдал? Но уже слышу, как смотрящие комментируют поединок какой-то очередной элите. Благо, построение театра позволяло хорошо их слышать.

— Дамы и господа, сегодня состоится финал турнира по военному ремеслу. Позвольте вам представить двух финалистов: Енона и Годрика. Пикантность данному поединку добавляет то, что они оба знают друг друга. А пока бойцы делают последние приготовления, позвольте вам напомнить правила боя: бой продлится, пока не закончится время в песочных часах, или пока один из бойцов не покинет площадь битвы, или не сможет встать. Просим не забывать, хоть ваши мечи носят чисто декоративный характер, травмировать соперника всё-таки возможно, поэтому не будьте чересчур жестоки и соблюдайте технику безопасности. Запомните: техника безопасности всегда должна быть выше вашей основной техники. И что ж, приступим.

Кто-то несколько раз покашливал сзади, и...

— Ах да, чуть не позабыл, — продолжил смотрящий, — если бой выйдет за рамки времени, победителя определит наше неподкупное жюри, а именно, — начав доставать бумажку из кармана, но, не успев её вытащить, один из советников жюри спешно махал руками, словно стал утопленником.

— Что ж, неважно, мы начинаем.

А дальше были комбинации, переживания и тишина. И так вплоть до последнего раунда. А дальше, дальше хорошо помню речи смотрящих, что развлекают элитных гостей.

— Осталось до конца боя пару мгновений, и, по всей видимости, Енон выиграет этот поединок, уж больно весомое его преимущество, — констатировал первый смотрящий.

— Да-да, образцовый показательный поединок от него, — добавлял второй смотрящий.

— Но что такое? При грандиозном преимуществе он решил отступить чуть назад, улучшая и без того выгодную для себя позицию. Вместо того добить соперника, он решил отступить? Зачем? Боится проиграть?

Все зрители выдохнули от удивления.

— Не может быть, — произнёс смотрящий, — Енон, отступая чуть назад, споткнулся, чем и воспользовался пришедший в себя Годрик, и судья засчитывает победу Годрику.

— Да, но будет это ему уроком, ибо можно так отступать, что в итоге можно и вовсе отступить, — говорит второй смотрящий.

— Мне даже немного жаль Енона, это был его последний поединок на арене, и так заканчивать карьеру...

— Не будем о грустном, давай лучше насладимся зрелищем торжества Годрика, — разгоня радость, сказал второй смотрящий.

Годрика ведут к пьедесталу, тот по нему поднимается, по пути отбивая пять всем прошлым соперникам. Под оглушительные аплодисменты ему вручают лавровый венок и украшенную ленту с надписью: «Победитель навсегда».

— Да, теперь у него это звание никогда не отнять, — с лёгкой завистью сказал первый смотрящий.

— Да и пора заканчивать сказ про это поединок, — с нескрываемым разочарованием произнёс второй смотрящий, — остаётся только пожелать Годрику следующих успехов и чтобы в жизни у него, несмотря на все невзгоды, был шанс всё перевернуть с ног на голову. Ну а Енону...

— Ну, а что Енону? — перебивая коллегу, сказал первый смотрящий. — Ему надо уже выучить, что неиспользованное преимущество не является преимуществом. Да и мне тут сооб-

щают, что на картах всех судей он с запасом вёл, но к чему это, если можно отступить в любой момент.

— Ну, Енону ещё можно дать совет: хороший или плохой результат всегда запомнится, а вот средний уходит в рутину.

— Знаешь, мне кажется, Енон вышел слишком расслабленным на этот бой, будто победа у него в кармане, а что у Годрика? У него было желание. А природой заложено правило: побеждает всегда голодный, и, по мне, это справедливо. Ведь или делишься едой, или погибаешь от рук голодного. Эх, так любил говорить мой тренер.

Проходя по туннелю арены, слышу, как какие-то люди кричат — не словами, а эмоциями. Но одно всё же прорывается: «Грязнокровка! Человек, опозоривший кровь!»

Делал всё, как всегда, почему так произошло?! — неустанно себя вопросом бичевал.

Неустанно скитаюсь по комнате, словно пытаюсь найти себе место в новом мире, в котором очутился, в который меня выкинули. Чёрт, почему у меня несколько минут назад не было этой силы, что во мне сейчас бурлит? Хотя, кого обманываю, не выплеснул её, хотя мог бы и подняться. Чёрт, в душе некая пустота от несправедливости, ну не должно быть так, нет.

Но мне приходится приглушать в себе все порывы чувств, ведь сейчас выйдет тот, на кого стремился быть похожим. Ладно сам проиграл, может, хотя бы он сегодня выиграет. Слышу, как смотрящие активизировались, и подхожу к маленькой решетке, благодаря которой освещается вся комната, обхватив её руками и привыкнув к слепящему песку от солнца, замороженно вижу их выход. И так хорошо сейчас слышно смотрящих.

— Ну а сейчас выступят наконец они, — произносит первый смотрящий, поддаваясь эмоциям ликования на арене, — те, ради которых мы сегодня собрались. Два бойца, что проживают в нашей стране и входят в 10 лучших независимо от весовой категории и сойдутся в одном весе.

— Да, этот бой долго и упорно готовился, к сожалению, про него можно будет сказать, как и про все подобного статуса: поздноват, года на 3–4 раньше было бы величие.

— А пока бойцы пробираются к центру арены, расскажу о предметчевых раскладах. Большинство экспертов видят сегодня большую шахматную, порой невероятно скучную, порой просто скучную партию. Ни один прежде ещё не почувствовал щекой песок.

— Ну, ты завернул! Можно просто было сказать, что сегодня гибкость против отточенного мастерства.

— Не согласен, у Феномена тоже имеется мастерство.

— Но судьи сегодня пожертвуют Феноменом, если бой будет равен. Не знаю, как ты, а уже готов завтра слышать в обсуждениях, что бой был куплен.

— Раз ты так поддерживаешь Тактика, что же выскажешь в защиту Феномена?

— У него 4 возможные тактики:

Полагаться на ноги, наверное, уже не выйдет. По прошлому бою мы все увидели, что Тактик не уступает Феномену в этом компоненте.

Второе — стилистическое: он будет контратаковать противника, и произойдет битва стилей: контр-ударник против агрессора. Здесь весь вопрос в том, почувствует ли Феномен силу удара. Ведь при таком раскладе Тактик явно будет стараться отбить плечи и руки.

Третье — самое фантастическое: если вы верите в магию, в волшебство боя, если вы называете его Феноменом, если вы его считаете недооцененным, то он должен совершить то, что считается невозможным, а именно победить соперника в его же стиле. Ох! Это ведь то, за что мы любим этот вид спорта! Сразу вспоминаются золотые времена. Когда он просчитает и начнет увеличивать скорость движений, то удары скажутся на Тактике, и, вероятно, он сдастся где-то в 11-12 раунде.

Но мы живем в реальном мире, поэтому соглашусь: нас ждет шахматная партия. В таком тихом темпе у Феномена будут шансы на успех. Всё-таки люди стали цивилизованнее — зачем рисковать головой, когда можно обойтись без этого за те же деньги?

— Не думаешь, что этот бой подстроен, раз мы заговорили о деньгах?

— Тогда разочаруюсь. Ведь мы помним историю Феномена — он всегда говорил о недостатке признания. А Тактик больше потеряет, чем сможет выручить, если мы говорим о деньгах.

— Под эти утомительные с тобой беседы мы пропустили их выход. Ну что, вместе?

— Три... Два... Бой!

— Тактик ожидаемо агрессивнее в первом раунде. Не на пределе возможностей, но в этом направлении неуклонно движется.

— Ох-хо, кому-то сейчас могло показаться, что удар Тактика уже оформил падение Феномена. Но не тут-то было!

— Феномен пока в разведке, но уже показал, как способен скорректировать бой, как и предлагалось.

— Второй раунд! Тактик агрессивно начинает раунд. Джеб и удары в корпус, как кажется, приносят результат. Тактик зажимает Феномена в углу.

— Но выброшенная комбинация сводит на нет работу корпусом; тайминг — всё на сверх-быстром уровне у Феномена. Видимо, это придало веры Феномену, у которого тут же посыпались, как из рога изобилия, успешные контратаки. И ни одна из них не проходит бесследно.

— Мне показалось, или после одной из контратак Феномена Тактика повело немного?

— Когда кажется — купаться надо. Не увидел ничего такого.

— Нет, не показалось. Ты посмотри на взгляд Тактика — таким просто так не становятся. Тактик начал на пределе проявлять агрессивность и активность.

— Ничего себе! — закричали они оба.

— Пережив атаку, Феномен сам начал зажимать в углу Тактика, где дал волю своей агрессии.

— Как мне отсюда видно, ничего критичного, но Тактик явно растерян. Феномен сделал с ним только что то, что он сам планировал сделать.

— Вы посмотрите на тех, кто сейчас будет покидать арену. Это те, кто кричали во всё горло, что Феномен не сможет теснить более физически мощного противника.

— 4 раунд. Феномен сам начал теснить и проявлять агрессию на арене, не дожидаясь атак противника. Точность ударов зашкаливает! Его напор увеличивается одновременно с покраснением лица противника. И ещё и нос удалось разбить.

— Тактик явно растерян. Он не к этому готовился. В начале поединка казалось, нужно лишь чуть-чуть посерьезнее настроиться, но то было против защитного боксера, а сейчас он боксирует чуть ли не со своей тенью. А это совершенно другой план на бой нужен.

— Нет, сегодня он сам тень и боксирует против Тактика. Причём, судя по скорости, это более молодая версия себя.

— Тактик начал акцентированно пробивать туловище, видимо, в расчёте на то, чтобы сбить дыхалку. Логично, ибо разница будет только увеличиваться, как между обеспеченными и бедными.

— И Феномен принял приглашение на рубку в ближнем бою! Это невероятно, каждый удар Феномена идёт на поражение, пусть и на полсекунды, но это сказывается. Это настоящая МАГИЯ! Это потрясающе!!!

— Есть нокдаун! Ловушка Феномена сработала: открывшись для опасного маневра, он сам же и ударил! Это же какая уверенность должна быть! Но Тактик продолжает бой.

— Мы это видели — феноменально! Неуловимая для глаз скорость, и удары летят вовремя, и все попадают. И как защищаться против себя же, Тактик, по-видимому, не знает.

— Есть нокдаун номер два! — закричали они оба

— Несколькими критическими ударами подряд в челюсть Феномен опрокидывает Тактика.

— Мне тяжело смотреть на лицо Тактика. Ему нечем ответить, а отвечать надо. Лицо и нос уже разбиты. Силы на исходе, потому как дыхание на исходе. Если идти вперед, то Феномен начнёт, как в начале боя, контратаковать, если защищаться, тебя сломают напором, причём твоими же приемами.

— Шестой раунд, а имеет ли смысл нам комментировать дальше? У Тактика заплыл глаз, он всё так же упорно идёт вперед, но в сравнении с началом и нынешним Феноменом это не идёт ни в какое сравнение. А у Феномена всё улучшается: тайминг и скорость всего. Даже Тактик из начала поединка мало что ему предложил бы!

— Тактик отчаянно пытается геройствовать, видимо, в надежде, что высшие силы проникнутся им и даруют ему победу.

— Правда, непонятно, что он хочет добиться: то ли сотворить чудо и претендовать на место в истории, то ли он хочет громко заявить о себе и не сдаться просто так, то ли он просто начал избивать то ли воздух, то ли невидимых соперников. А может, и вовсе он нам машет руками, сигнализируя: «Помогите, вытащите меня отсюда».

— Разве можно перепутать перед и верх?

— Конечно, он столько пропустил ударов в голову, что хотя бы помнит о том, что надо махать руками, когда плохо.

— Феномен прижал Тактика в углу. Тактик метил в голову, попадает в блок. Блокировав бросок, Феномен опускает руку Тактика и всё той же рукой наносит короткий, но мощный удар в висок. Дальше судья вмешивается, останавливая избиение.

— Сегодня чудесный поединок провел Феномен, он точно вписал себя в историю. И, пожалуй, итоги этого поединка для него ещё отзовутся, и всё истинное наследие мы узнаем совсем не скоро.

— Ну а по поводу Тактика... ну что же, так бывает. Ты рискнул всем, что ценно для бойца, и проиграл. Да, обидно, что проиграл не по случайности, не потому что не твой день, а просто потому что кто-то лучше, видимо, сегодня сильнее хотел победы, именно Феномен.

Лишь сейчас могу отцепиться от решеток, которые всё это время держал. Уже не хожу неустанно по комнате, лишь рухнул на ближайшую табуретку. И хоть тело мое неподвижно, в душе движение отыгрывается сполна. Никогда бы сам на это не решился. Мне казалось, такое возможно лишь в сказках... но теперь живу та в новом мире, ибо старый только что погиб.

Всё видел сам. Лучшая реализация мгновений, скорость, точность. Если бы бой завершился в 11 раунде, это было бы феноменально, но так... так просто не укладывается в голове. Не верил, что это возможно. И если раньше готов был рвать мир и метать эмоции, то теперь нет оправданий. Мог рискнуть и... ведь проиграл, не рискуя, будто не сказал последнего слова.

душа в трёх словах

Едва покинув злополучную арену, встречаю людей, которые, как мне кажется, во всём увереннее меня. Даже у бродячих собак настолько уверенные морды, будто готовы сейчас же броситься на неприятеля и растерзать его, но вместо этого послушно выполняют команды. Или кузнец, который точит очередной меч, но позволяет себе зевать и отвлекаться на девушку, проходящую рядом. А девушка та тащит тяжелые ведра, и нет у неё сомнения на лице или признаков тяжести. Она словно готова убить каждого, кто помешает ей донести их.

— Ну что, принц, завтра будешь на праздновании? — сказал учитель начальных классов, куривший рядом с выходом.

— Не будет никакого мне празднества, — повреждено ему произнес. — Не заслужил.

Он не поверил моим словам, решил, что его разыгрываю, потому всё пытался отшутиться, но, видя лишь глухую стену в ответ, принял истину.

— Но ты не отчаивайся, — поддерживающе начал он, — может, ему нужнее было, чем тебе. Уверен, в тебе тоже живёт бесстрашие, как в каждом из нас.

Хотел ему сказать: что же, мотивация побеждает кровь? Но, не успев произнести окончание, неподалеку грянул гром, а после засверкали молнии, и гром был такой силы, что люди в испуге оглянулись, и даже какая-то девушка выронила ведро, кузнец отвлекся от затачивания оружия, и собаки прервали команды своих хозяев, и все объединились взглядом на то мгновение, пока молния была в небе.

— Мотивация побеждает, — продолжил старый вояка, чуть запоздав, будучи поражённым столь неожиданным громом. — Прости, что говоришь? Ах да-да, мотивация всегда побеждает!

— А с чего это вдруг молнии стали и гром в такое время года?

— Да говорят, начали таять ледники, там какой-то тёплый газ, он поднимается и возникают молнии.

Он ударил слегка меня в плечо, и сказал: «А ты вон, какой смельчак, не испугался молнии! Значит, имеется в тебе сила. Вон у тебя какие глаза стали, полные решимости!»

Если бы он только знал, что от грома сделал шаг назад, а там была пустота, и, почувствовав её ногой, рефлекторно сделал шаг вперед, возможно, для баланса. А знаю, какова сзади высота падения и ограждения нет, и, видимо, от этого и был прилив в моей крови адреналина или чего-то схожего. Именно эти глаза он и видел, не зная предысторию, будучи пораженным или отвлеченным молнией.

С удивлением бросил свой взгляд на окружающих, которые ещё мгновение назад казались уверенными в себе, испугались молнии и грома.

— Неужели молния так страшна? — спрашиваю его.

— Да не она страшна, а неожиданность. То, с какой быстротой меняется реальность. Люди ведут в целом размеренную жизнь, а тут врывается в твою спокойную жизнь нечто, явно опасное, раз так быстро, волей-неволей испугаешься.

Но, может, ты зря перестраховался? Может быть, у тебя в крови скорость. Как говорится, раз не получается так, сделай иначе. — подытожил он на прощание, выслушав мой рассказ хода поединка. — А ты промедлением пошёл против своей природы. Знаешь, как говорится, рожденный ползать летать не может, а почему обратному утверждению не быть верным?

Его поддержка не могла не расслабить после пережитого, но если бы он знал, что крылья вырастают у меня лишь, когда чувствую пустоту под ногами. Кстати, это очень логично, дабы не упасть в бездну, природа или что-то в этом роде дарит тебе крылья, и паришь над пустотой. Эх, только пока вновь не покажется земля. Но какой человек не прикован к земле и как от неё освободиться?

Так и прошёл бы в безрезультатных суждениях до школы, если бы не наткнулся на разговор прохожих.

— Ой, деточка, ты что, петь собралась? Ну не знаю, у нас в роду, помнится мне, пела лишь троюродная тётка моей бабушки, даже в каком-то трактире выступала, ну, артистка! Так что не получится у тебя ничего, даже не начинай, чтобы не расстраиваться, ой, как не люблю, когда ты плачешь, не делай мне больно.

Странно, если бы мой соперник действовал по этому завету, то никогда бы меня не победил. Да и неужели так велик страх, чтобы даже не начать пробовать?

— Поаккуратней с выражениями, — заявил один из мальчишек, которые вышли из-за угла. — Перед тобой вообще-то герцог дальних земель, правда, в прошлой жизни. Мне так гадалка нагадала.

— Ты разве не знаешь, что она специально так сказала, чтобы потешить твоё себялюбие? — ответил ему второй.

— Понимаю, что это откровенный бред, но так приятно. Мне нравится этот перенос ответственности, не хочется быть таким ничтожным, а уже таким великим был. Нет трагедии не стать чемпионом мира, ибо уже был им, сейчас пенсия, правда, в молодом теле. А каким был из чемпионов мира, разве имеет значение, главное был. Не добился своей любви, ну и ладно, счёт будет 1:1.

— Ну и к чему это приведёт? — возразил второй. — Тогда себе объяви, что был в прошлой жизни единым царём.

— Ну и чему радоваться? Ты был единственным, и что, всю твою страну развалили? А кем была моя душа, кто знает? Может, всё сверх удачно получилось. Надо просто биографии рассмотреть и выбрать подходящую.

— То бишь, ты не отброс, а просто не хочешь портить свою великую прошлую жизнь потугами в нынешней?

— Ну что скрывать, перед тобой предельно благородный человек, получил величия, даю получить другим. И не какой не отброс! Просто денег нет сейчас. Были бы, стал бы мечтателем.

Хоть этот разговор меня возмутил, следующий же разговор втянул меня в свои крепкие объятия. Юная девица плакала на плече у старушки, а та ей строгим тоном говорила: «Ну что могу поделать, ну порода у нас такая, все нас бросают. Никому мы не нужны. Это во всём виновата проклятая порода».

Прокручиваю в себе вопросы, как человека можно опустить до... породы какого-нибудь животного? «Проклятая порода» — сколько раз слышал такое выражение, но разве существует её антоним, «благословенная порода»? А раз не существует к чему-то антонима, то и этого самого не может быть. Хотя, помню, только аристократы пекутся о своей якобы голубой крови, но разве это не опровергает уже то, что не всякий аристократ сделал то, что уже сделал хотя бы один простолюдин? Если хотя бы один опровергает, то значит, положение — не истина, а укоренившееся заблуждение. Как тут не вспомнить, и само выражение «голубая кровь» — это заблуждение, основанное на цвете вен только одной правительницы. Но где этот корень проблемы?

Перебирал различные варианты, бродя по памяти до двери кабинета, пока не ударился о неё лбом. Интуитивно посмотрев наверх, вижу лишь одно слово: «История».

— Учитель, можно мне? — начал спрашивать учителя, едва появившись в классе, но учитель меня тут же перебил:

— Никаких «можно мне»! — давяще спокойно произнес учитель и указал мне на моё место.

— Но у меня... у меня сегодня был финал, поэтому...

— Ах да, у тебя на днях финал. Как же мог забыть? Только говори поувереннее, тебя ни черта не слышно, почему мне нужно прислушиваться к твоим бормотаниям!?

От его тона уже сам забыл, что хотел ему сказать, оставалось спросить себя самого наяву: — Но...

— Нет! Пойми, понимаю, но если мы отложим урок после финала, то что будет тогда? Проиграешь — будешь удручённым воспринимать мой предмет, выиграешь и, как после эйфории, будешь заставлять себя заниматься учением? Чтобы меня после этого ты обвинил в убийстве радости? Мне таких заявлений хватает. А так ты выиграешь, у тебя на подкорке запишется: учился — смог победить. А если проиграешь, то будешь свободен, ибо долгов ни перед кем у тебя не будет отныне.

— А что, свободен лишь тот, у кого нет долгов? — почти подавленно произношу ему.

— Да поверь мне, не было бы долгов, был бы свободен, и не сидел бы с тобою здесь, — моментально отвечает учитель. — Эх, а потом бы купил корабль последней модели, и чтобы на верхней палубе ждал меня сундук, набитый доверху золотом, — произносил учитель, явно ушедший в свои мечты. — Так, ладно, приступай к уроку! — произнёс он с той суровостью, которую ощущаешь, когда понимаешь невозможность своей мечты.

Мне остаётся лишь покорно взять учебник и сесть за первую попавшуюся парту.

— Что ты видишь сейчас?

— Лишь текст учебника.

— Вот и правильно, а теперь начинай читать вслух и с выражением! — едва закончив говорить, учитель уже начал приготавливать себе удобства для своего обеда.

Из всех племен на нашем севере континента лучший это приморский народ что зовётся Дьярмат. А население у них мирмидяни, по названию одноименной столицы. Поговаривают, что сам царь царей наделил их неутолимостью муравьёв. Слава этого народа связана с его флотом, благодаря которому можно совершать дальние путешествия по морю в открытый океан, оттуда привозить добычу и разные морские сказания, благодаря чему стало экономически успешным государство. На вырученные средства город закупал орудия и материалы для своих кораблей; также предполагают, что где-то в океане им удалось найти острова, в которых добывались золото и серебро, и даже остров бессмертия из преданий открыли путь но ещё до него не добрались. Хотя это предания доподлинно никому и неизвестно, что они там находили, ведь с их флотом никто им не мог составить конкуренцию, ибо те брали и количеством, и качеством. Ибо с запада и севера их союзниками были горы, а с востока — непроходимые болота, южнее их — степь, в которой правят медьеры, и с которыми они находимся, если не в союзе, то в вечном мире. Никто не претендует ни на чьи владения, одни снабжают морскими пряностями, строительными материалами, другие — мясом, выючными животными и рабочей силой. Да, вначале работа не самая статусная, но это видится уже многие века социальной лестницей для тех, кто не хочет, подобно предкам, кочевать с места на место. Единственная мелкая неприятность, что омрачает это величавый город, — это остров Кюрта, что питает яркую ненависть, из-за зависти успеха и проблемы местности Альмириона.

Этот документ доказывает, какую нескрываемую ненависть имеет народ Дьярмат по отношению к нам, раз даже обозвал нас в исторической хронике как мелкую неприятность.

— О небесные силы, почему это так скучно?

— Так, что ты там сказал? — возмущенно спросил учитель, перестав жевать свой хлеб.

— Ничего, господин учитель, ничего.

— Тогда продолжай и не отвлекаться мне тут! Нашли они остров серебра и золота вот сказочники.

Основа спора — местность под названием Альмерион. По утверждению Кюрта, местность Альмириона была заселена их людьми чуть ли не с самого распада после гибели Бессмертного Короля. Об этом свидетельствуют летописи мореходов, рьяно превозносимой сторонниками этой версии. И оставили мы здесь стрелу, а не убили кого-то, ибо эта земля принадлежит Кюрту.

Если же рассматривать экономические аргументы, то это единственный безопасный путь между западной и восточной частями континента. Также неоднократно было выявлено, что дьярматские корабли, незаконно, по версии Кюрта, облагают пошлиной их рыбаков и топят корабли, которые устремляются на восток.

По версии Дьярмата, этот участок земли принадлежит им по праву, на что указывает акт о капитуляции, подписанный князем Альмириона. Кюрт опровергает, что именно этот человек был князем. Также Дьярмат ссылается, что сделал для этого народа больше, чем Кюрт, даже если те и правили, ибо при Дьярмате появились школы, суды, которые работают по дьярматскому стилю. Тогда как за то время, якобы которое они владеют землёй, земли даже не обрабатывались плугом, не было охраняемых регулярным войском зон, гарнизонов. Поэтому считаются ничейными землями. Не было у народов ни городов, ни армии, ни одного учреждения с символикой другого племени.

По версии Кюрта, утверждение Дьярмата о том, что мы якобы оставили землю в корне неверно, мы отступили временно из-за разыгравшейся эпидемии. Они не могли не увидеть наши герба. Это не колонизация, это грабеж.

Альмерионские власти продвигают контрабанду и укрывают пиратов Кеси, угрожая процветанию народа Дьярмат.

Остальным всё равно на конфликт, ибо в истории многих имеется только племя Кюрт-Дьярмат, в котором произошёл раскол элиты. И никто не возражает, если одно подчинит другое.

Эх, и мне предстоит всё это учить. Зачем? Для чего? Хотя узнал, как были созданы мирмидоняне.

— А это правда, что они такие трудолюбивые, как здесь написано?

— Да, всё так. Ладно, урок закончен, можешь идти по своим делам.

— И это всё? Где же экзамен?

— Ну ты же прочитал, значит, запомнил всё. Иди, у меня и так полно дел.

— Подождите, разве существование мирмидонян не говорит о том, что все другие люди априори не трудолюбивы?

— Это всего лишь мифы, не забивай себе голову! Хотя постой, раз ты затронул тему мифов, опиши-ка мне миф про гордиев узел.

— Это не распутываемый клубок ниток.

— Нет! — громко стукнув по столу, встал учитель. — Зачем забивать себе голову мифами, когда ты их даже не знаешь? Это не клубок ниток, а узел ярма телеги! Енон! Мы, черт возьми, это изучаем на протяжении стольких лет, и ты не можешь запомнить такую простую вещь! Проваливай с глаз моих. А иначе следующий вопрос закопает тебя еще глубже.

Ах да, почему постоянно путаю ярмо и клубок ниток.... А главное, куда или к чему этот нерешённый вопрос приводит, пока не станет решённым? — безответно задавал вопрос себе, пока не подошёл к кабинету второго преподавателя, у которого висел лишь одно слово на двери: «Тактика».

— Приходи и садись, где тебе будет удобнее. Сочувствую тебе в твоём поражении, — говорит он мне, злобно похлопав по плечу. — Ладно, надеюсь, готов к экзамену. Вот, держи. Кстати, ты дочитал про... про кого ты там уж читал?

— Про Низара. Да, учитель, дочитал.

— Ах, да... Низар, — произнес учитель то ли мечтая, то ли вспоминая. — Тот самый, кому были предложены чуть ли не райские условия, но он почему-то погнался за мечтой, возмнив себя избранным. Ну и чему научила тебя эта история? — сказал учитель, уже не обращая внимания на меня, а перебирая какие-то документы в ящике.

— Что можно дойти до последней битвы за мир.

— И так же упасть с вершины, — холодно прокомментировал учитель. — Но, возможно, пока ты молод, ты видишь это; повзрослеешь — увидишь иное.

Хотелось ему сказать, но промолчал из-за авторитета: «М-да, однажды так повзрослеешь, так что увидишь не просто иное, а целый иной мир».

— Если бы мне хоть предложили хотя бы часть того, что у него было, моментально закинул бы в этот ящик свою мечту. А что, её мне не исполнить, а так, хотя бы что-то.

— А какая у вас мечта? — спросил его, попутно отвечая в тесте на легкие для меня вопросы.

— Какая мечта? — учитель мгновенно рассмеялся. — Ладно, буду оригинален — и так понятно: деньги и здоровье. Ну, давай — поединок за звание абсолютного чемпиона мира между нашим феноменом и дьярматским воителем. — вновь он рассмеялся. — Да только в конец света больше верится. У них разные промоутеры, у нас разная культура, и мы как бы враги, хоть и экономически поддерживаем друг друга. Что-то ты сегодня больно разговорчив. Неужели вопросы для тебя легки? Или ты уже всё сделал?

— Нет, учитель, остановился лишь на одном.

— А, видно: «Опишите морское сражение, которое вас больше всего тактически впечатлило». Ну да, вопрос с подковыркой, ибо здесь нужно вспомнить чужие истории отечества.

Но меня мучил другой вопрос. Как вы будете справляться, если вам будет противостоять лучшая кавалерия на свете? В начале решил: «Что за вопрос? Конечно, заманить в местность, где кавалерия лишается преимущества — холмы». Но воспоминания мешают мне так ответить. Реальность немного иначе. Недавно выходил на арену с тактическим преимуществом и ничего. Хотя стоп, так было бы правильнее. Но не могу игнорировать, что можно победить соперника в его стиле, в расчете на то, что он не знает, как защищаться против себя.

Против кавалерии выпущу кавалерию, — записав в бланк ответов, тут же радостно несущему учителю. Он быстро проглядывал мои ответы, одобрительно посмотрев, прочитал в одном ответе «Саламин», сказав: «Надо же, кто-то помнит его». После, поперхнувшись своим взглядом, сбил весь мой пыл, и с каждым переглядыванием между мной и моим ответом всё сильнее иссякала моя лёгкость и уверенность.

— То бишь, ты из вариантов, как противостоять кавалерии, выбрал биться с кавалерией кавалерией? Ну, как бы, предполагалось, что здесь кавалерия элитная. А у тебя уж точно не самая лучшая. Даже биться элитной против элитной будет проблематично и неправильно.

— Это понимал, когда отвечал.

— Енон, честно не понимаю, — строго начал говорить учитель, — ты всю учебу давал правильные ответы, а сейчас ты... пишешь откровенный бред! Война — это про нивелирование чужого преимущества, а не про попытки его дискредитировать.

Честно, не понимаю, — учитель меняет свою строгость на разочарование, — ты ведь зачитывался всеми боями древности. И такая непростительная ошибка, как так, Енон!?

— Поймите, вчера на арене понял всю реальность такого сценария. Это даёт великое вдохновение, благодаря которому дальнейший путь облегчится.

— Ах да, слышал что-то, — начал учитель говорить, бубня себе под нос. — Ну да, удары по голове плюс проигрыш могли сегодня дать такой эффект.

И, отложив листок и откинувшись на спинку стула, произнес:

— В принципе, так-то неплохо. У тебя определенно имеется к этому талант, только усерднее работай, и всё будет хорошо,

— Вы знаете, а ведь даже люблю читать по ночам про похождения полководцев, — вдогонку ему говорил с эйфорией.

— Это видно, ладно, тебе пора идти.

— Да, конечно, счастливо, — сказал ему, а затем, попрощавшись, вышел из класса. По пути всё думал: если можно бросить вызов кавалерии кавалерией, то можно бросить вызов мирмидянам трудолюбием, и тогда сам станешь мирмидянином? А значит, и мирмидян с их трудолюбием не существовало? Но кто позволил себе присваивать общие качества, как, например, трудолюбие, и что, если захочу быть трудолюбивым, обязательно должен во всем становиться мирмидянином?

Если завтра они провозгласят своим народным цветом серым, то не буду иметь права одеться в серый? Это отличительный знак, но это присвоение части общего и выдавание его за своё личностное, то бишь обыкновенный грабёж.

Но задаюсь вопросом, где найти то оружие, при помощи которого можно защититься от этого грабежа. Пока на двери не вижу надпись «философия».

— Ох, здравствуйте, присаживайтесь, куда вам угодно, — поприветствовал меня третий учитель. — Сочувствую твоему поражению, но как прошли экзамены?

— По тактике, мне кажется, всё более-менее удачно, а по истории... пока не идёт.

— Ну конечно, по тактике всё будет легко. Тактика ведь в переводе означает «строевое искусство». История пока не идёт. — говорит он задумчиво и спокойно покачивая головой.

— Да нет, сам-то читаю про завоевания, но учёная история...

— Не идёт? Ну, чтобы история пошла, ты мне вот скажи тогда — что движет историей? Кто движет историю? Личность или время? Может ли личность пойти против течения, или это тоже часть течения, создание обратной силы? Чтобы против течения всегда кто-то восставал?

Основа правления — вера в того, кто правит. Как ты считаешь, что правит миром? Кто-то один наподобие царя царей, или секретный культ, элита, аристократы, цари? А может, просто лучшие люди, и такой обязательно станет наделён властью? Или течение времени, именуемое толпой, само выберет и наделит властью, а остальных забудет или подчинит? А может, и вовсе всем правит случайность? Или это одно из имён царя царей? Если любая случайность — это не выявленная закономерность, то к чему он ближе: к царю царей или к течению?

Но человек покажет не то, что он ответит, а что, по его мнению, было справедливо. Как для тебя будет лучше, чтобы миром правил нечто, некая группировка, лучший в своём деле, некое течение, из которого нельзя выйти, или случайность — кто будет правителем, да решила всё случайность? Вы меня слушали?

— Да, конечно, — взяв, видимо, непозволительно долгую паузу на раздумье.

— По вам видно, у вас голова забита. Но ведь вы все экзамены прошли. Значит, это не они не дают вам покоя. Что это? Поражение?

— Да.

— После сходите развеетесь. А сейчас...

Когда учитель сказал: «развеетесь», — возник момент моего выхода перед боем. Надо было лучше готовиться, а не говорить. Как считал, что рок может быть приятным.

— Учитель, мне не даёт покоя один вопрос.

— Ну, давай всё выкладывай.

Не знаю как, но чувствую по выражению его лица, что он просит меня удивить его.

— А скажите мне, вот у всего имеется антоним. Что может быть противоположно комете?

Учитель явно удивился и существенно потерялся, но всё же сказал: «По какому признаку противоположно? Это порядок, ибо комета движется по сложной траектории, и благой знак, и незаметный фон».

— Ну, если комета — это некий камень в огне...

— Нет, нет. Когда комета приближается к Солнцу, её ядро нагревается, и выделяются пары, газы. После образуется кома, а ядро распадается. Но если это взять, то противоположно будет любая звезда. У них ядро греет тело.

— А как же планеты?

— Да, ходят версии, будто внутри Земли под толщиной мантии имеется ядро.

— Греет ли оно?

— Незначительно. Через такую толщину тепло не должно чувствоваться.

— А зачем оно тогда нужно?

— Ну, ходят версии, опять же, что оно защищает свой мир. Говорят непопулярные учёные, что космос для нас опасен.

— Иронично, — говорю учителю, — ведь, космос переводится как порядок, тогда как различные описания ада описывали мир внутри Земли. И что ядро может сдерживать нас от порядка небес.

— Этот порядок несёт лишь гибель, он завораживает лишь на глаз, но не на ощупь, не на суть.

— И что, эта смерть проходит мимо планеты, как вода обходит камень?

— Это была интересная беседа, но, увы, время нашего экзамена подошло к концу, а вы так и не ответили на мой вопрос.

— Почему же. Вы спросили, может ли кто править течением судьбы? А оно беззащитно перед камнем. Небесное течение бессильно перед нашей планетой, пока горит огонь. А чем планета отличается от мира, а мир от внутреннего мира?

— Ясно. То бишь лучший человек, это те, в ком ещё горит огонь. Мне нужно время, чтобы подумать над твоей характеристикой. Кстати, ты просил слово противоположное комете, может ось? Она невидима, а не ярка, постоянна, а не временна, распределяет тепло, а не создаёт, не яркая аномалия, а базовый принцип, не знак потрясений, а гарантия устойчивости.

— А учитель — ещё один вопрос. Разве существование мирмидян не принижает другие народы?

Учитель явно занервничал: «Откуда в тебе это? Что за дискриминационные выкрики?! Это же верные торговые партнеры».

Уйдя, мог бы сейчас прокричать «Ура! Экзамен сдан!» как планировал когда-то, но нет, во мне сейчас этого крика.

И мог сейчас пойти со школьными товарищами поиграть в ролевую игру, но устал играть одними и тем же персонажем. А не слишком ли малое различие внутри расы? Не встречал пока в наших партиях сильного эльфа, или утонченного гнома, образованного орка или радикального человека, который достиг чего-то.

Это идеальное различие, тем более по внешнему признаку. Выбирая эльфа, мы уже предполагаем, какие качества получим. Но если заменить их на национальности, то всё ли было так явно? И смотря на нынешнюю карту мира, где у каждой страны подобно сказочной расе есть партизаны, пехота или осадные орудия, возможно ли отличить нации, или каждая из них искусственная? Раньше бы сказал, что да, у каждой свой стиль, а кто не имеет того, порицаем.

Но что стиль, что такое национальный менталитет, когда 50 или 90 процентов ему соответствуют? А кто тогда, кто не соответствует им? Кто они, полукровки? А если новая страна образуется, какой менталитет будет там?

Склонен видеть в народе эльфов один собирательный образ некоего эльфа. То бишь в сказочной литературе нет конфликта и пафоса народов, всегда это конфликт собирательных персонажей, ибо не могу представить, что люди будут так сильно похожи, как все эльфы или гномы. Правильно однажды человек сказал, что человечек – это отдельный мир, где имеются различные виды.

И мог сейчас вернуться домой, но так не хочется домой. И вновь смотрю на дверь, и мне так не хочется вернуться к преподавателям. Не успев даже шага шагнуть, вновь вернулся в тот мир, где... где проиграл. И ничего не остается, как глядеть на прохожих в поисках чего-то. Они идут, склонив голову, куда-то, не боясь задеть ни друг друга, ни меня. Пока кто-то не сбивает меня своей мощью, что отлетаю на пару метров. Он начал моментально извиняться и помогать мне встать. Но среди его обыкновенных извинений благодарен лишь за одну фразу: «Славно ты полетал». Хм, а разве падение и полёт различны? Да, падение ведет к земле, что сулит проблемы во всём. Или, иначе говоря, если бездна без дна, без земли, то пребывание в ней — это падение или неконтролируемый рефлекторный полёт? И отличается ли высота от глубины?

ЧЕЛОВЕК, ЧТО ВЫШЁЛ ИЗ МОДЫ

Как говорится, если не тянет к ребячеству, но имеется тяга к тому, чтобы развеяться — иди в театр. Благо, он у нас считается лучшим во всём мире. Как раз сегодня там молодые авторы читали свои рассказы.

Меня поразило первое произведение. В нём встречались герои из разных сказок, была даже любовная линия, а финал такой: она сказала ему: «Прости, мы из разных сказок». Естественно, это намёк на фразу «Мы из разных миров», то бишь из разных социальных лестниц. Но мир — это такая же сказка.

Второе произведение было явно навеяно паникой Амурота, якобы некие люди из «дикого университета» на окраине Запада нашли остров бессмертия, что был частью сказок. И мало того, что нашли, так ещё и привезли часть песка с собой. Но это также могут быть всего лишь слухи. В самом же произведении была «лодка времени», благодаря которой можно было попасть в любое время. И вот, после возвращения, один персонаж пересказывал своё путешествие другому, говорил также, что был в первобытной эпохе и сказал: «Тогда, вступив на землю, надо же, здесь всё так дико и так индивидуально!» И второй ему говорит: «Враньё, это твоё изобретение лодка времени. В первобытном племени не было индивидуальности, был только коллектив и единое слияние в него». И неловко автор поднимает вопрос: с чего появляется творчество? Раз в начале ничего индивидуального не было, значит, и нет заимствований? Раз в начале всё было общим, значит ли это, что, создавая нечто новое, ты будешь делать именно не личное, а племенное? Может, тогда люди, что требуют нового, совершенно нового, а не новой интерпретации, склонны к племенному инстинкту, ибо пребывание в нечто новом возвращает их в доисторические времена?

А третий автор, словно зная второго, перечил ему в своём произведении, намекая: с чего начинается творчество? С некого озарения, что подобно инстинкту или интуитивной работе рассудка? И автор занял однозначную позицию: творчество появляется от желания преобразовать что-то. И это что-то должно быть плохим, то бишь коллективным, упрощённым.

Но после прочтения ещё этого произведения какой-то критик резко встал и после бурной череды нецензурной брани и активной жестикуляции лишь добавил: «Да вы меня, да сколько можно не описывать ни пейзаж, ни одежду, ни внешность персонажей!» А после швырнул стул в сторону писателя, благо тот успел всё же увернуться. И затем, ранее неизвестными для меня словами, глубоковыразительно описывал моё поколение. И народ его поддержал — то ли потому, что боялись, то ли потому, что сами были того же поколения, что и он. И сам с ним в тот день был скорее согласен, но...

Но сейчас, читая об утраченных субкультурах, и задаюсь опросом: куда они делись? Странно, но на моём веку не было людей, что романтизировали смерть или были обратного мнения о ней. Мне сложно поверить, что когда-то это было возможно. Но, читая итоговое мнение экспертов:

Различия между стилями резко стали сокращаться, они стали более расплывчатыми, что человек перестал себя выражать через одежду. Некое клеймо, жест сменился удобством и комфортом.

Да и частые разговоры, что подделки стали превосходить оригиналы. И не могу не задать себе вопрос: а когда моя одежда выражала или кричала наподобие доспехов стражников? Когда холодно — оденусь потеплее, когда тепло — оденусь попрохладнее.

И вот проходил крестьянин, и его спросил: «Эй, постой, милый крестьянин, скажи, что выражает твоя одежда?» Он на меня так посмотрел, явно выбирал — послать меня или переспросить. Тогда спросил его: «Означает ли эта одежда, что ты сознательно причисляешь себя к касте крестьян?» Теперь уже было видно, что он склоняется к тому, чтобы послать меня, и чувство мне подсказывало, что подальше, чем в первый раз. И тогда начал ему подсказывать: «Что вас заставляет так одеваться? Какая культура так довлеет над вами?» Он сплюнул, сбросил мешок с плеч на землю, послал меня и вновь положил себе мешок на плечо. И начал удаляться от меня, ворчливо приговаривая: «Да шёл же, никого не трогал... да ничего она не означает, что, одеться уже нельзя, что ли!? Решил сократить путь».

И, вспоминая сейчас тот момент, раз ты решил сократить физический путь, будь добр потрудиться в когнитивном пути.

И был полностью с ним согласен: да ничего уже одежда не выражает, ну и что теперь, нам без неё ходить?» Хотел было догнать его и сказать, как он прав в сути современной смены вещей, да не смог. Он, завидев меня, ускорился.

А раз одежда перестала выражать человека, то почему не последовать этому же примеру и пейзажу? Разве его функция была не в «одежде»?

Это раньше можно было по одежде сказать, кто это за человек. А что, разве учитель, крестьянин или правитель не могут одеться одинаково?

А чем человек стал выражаться сейчас, что выгнало символическое, а не реалистическое трактование одежды? Возможно, вся загвоздка в поговорке «встречают по одежке, а провожают...», а сейчас встречают по рассудку, а провожают по личной лояльности. И по мне, логично: как ты к человеку, так и он к тебе. А почему одежду сменил рассудок? Видимо, прогресс: стало легче выражать свои мысли, которые раньше пытался донести через одежду. Зачем жестикулировать, когда имеются слова? Образование работает. Ну и где тогда те еретики, которые распространяют бред, что человечество не меняется? Или разве это не изменение?

И как они реагируют на изменения? Кидаются стульями. И, в принципе, могу их понять. Сразу вспоминается мне маленький рассказ из детства: Один человек хотел научиться популярному танцу и пошёл к учителю, который его обучал и закалял в этом танце. И стал он лучшим, ибо превзошёл своего учителя. Но когда он вернулся, уже играли другую музыку музыканты, тот танец вышел из моды. Меня в детстве от этого рассказа пронзало в сердце чувство вселенской несправедливости: ты только стал экспертом в своем деле, а оно в ту же минуту вышло из моды.

Поэтому и простил тех, кто уже кричал в мою сторону, когда мне предстоял обряд, в ходе которого нужно было лишить жизни раба. Как говорят защитники этой обычая, так стану мужественнее, и у людей появится ко мне уважение из-за этого. Ведь второй раз убить намного легче. Ещё не видел этого раба, но постоянно думал об этом моменте, о том, как это будет. Почему-то поставил себя на его место... и это так унижительно — принять смерть от моей руки. Быть может, выиграв на арене, он смог бы согласиться, что это для него будет некой честью, но сейчас... Такое ощущение, что не заслуживаю этого, а уж он — тем более. И мне не хотелось бы так погибнуть, и ведь вижу спину этого раба, она мощнее моей. Ходил на арену, чтобы меня не убил слабый, а тут... — это плевок и без того в ничтожную жизнь. Возможно, именно это склонило моё решение к отказу от ритуального убийства раба. И тут же последовал мой ответ «нет». Они не приняли мой ответ, пытались навязать свою волю, и это лишь ещё больше меня закалило в уверенности своего решения. Сколько хожу по ярмаркам, всегда навязывают самое ненужное. Всегда вспоминаю фразу матери, хвастающей подруге: «Мода — от слова мера, правило, образ, предписание».

Пытаясь заглушить их убеждения, вспомнил диалог, которому раньше мало придавал смысла, в который вновь ушёл с головой. Видимо, сыграло созвучие слов «раба» и «рыба».

Меня за руку ведёт ныне мёртвый учитель через речку по камням. Говорит: «Не бойся, тут нет быстрого течения, столько ненавистное тебе». Вдруг пугаюсь от того, что там проплыли рыбки или мальки. А учитель меня поддерживает, сказав: «Чего ты боишься? Это же просто маленькие рыбы, они не укусят. Это не те, про которых говорят, что имеются такие рыбы, безобидные на вид, но при условии голода они могут от любой жирности в считанные секунды оставить только кости, представляешь? Только кости, всю плоть... в считанные секунды».

Мне тогда показалось это шикарной метафорой про голодного художника, что лишь при голоде способен докопаться до костей, минуя плоть, в считанные секунды. Собственно, это косвенно доказывает, что предел человеческих возможностей открывается лишь при голоде. А что такое желание, как не голод, почему-то? Желание любви — разве это не голод по ней? Только не могу понять, от голода что-либо становится желанием или это просто синонимы?

Но ему сказал: «Хотите сказать, что волшебная лампа, исполняющая желания, это просто средство для утоления голода? Красиво. Многие ищут волшебную лампу, но если представить, что она способна лишь просто утолить три раза твой голод, разве так ли она становится нужной? Но, человек способен сам себе добыть еду или воду! То бишь, сказания про волшебную лампу идентичны сказаниям о подарочной рыбе, которую предпочитают вместо удочки».

Он лишь усмехнулся и ответил: «Но видишь в чём проблема: голодный всегда переоценивает себя. Запри человека на месяц, и он скажет тебе, что готов несколько пиров в одиночку осилить, а в реальности уж от половины фрукта устанет. А сейчас общество взялось за правило всё стремиться избавить всех от голода и жажды. Знаешь, встречал людей, которые никогда не испытывают голода, и это было лишь в двух местах: в гробнице и опиумной. И что, общество стремится оказаться там? Значит, голод неминуем».

— А как же зовутся такие рыбы?

— А имя их глубоко обманчиво. С древнего языка народа, что исчез много веков назад, означает «злая, опасная, плотоядная рыба». Но это миф, очередное заблуждение наших предков. На самом деле это рыбы-падальщики, да, у них сильная челюсть, но чтобы разгрызать черепахи. А черепахи означают черепа.

Это великая ширма, предки по незнанию, по эмоциям так их прозвали, хотя они просто падальщики, что охотятся за больными и немощными, или почему, думаешь, их так будоражит кровь? За маской свирепости скрыта охота за слабыми. Или очень сильный голод, но, как правило, это исключение, а не закономерность.

Имя — это всегда некий образ, но он и суть — разные значения. Ты веришь, что человека, которого назовут добрым, будет добрым? Сильным? Здоровым? Говорят, что имя может предопределить судьбу человека, поэтому каждое имя означает непременно что-то хорошее. Словно зовя по имени, люди пытаются себе это привлечь или же пытаются внушить человеку его предназначение. Но если бы это работало, у нас давно все профессии срослись бы разными именами. Если твоё имя не Феррариус, то нечего становиться кузнецом. За годы создалась и вправду бы иллюзия, мол, любой Феррариус — это прирождённый кузнец. Но ни для кого не секрет, что человек с любым именем может реализоваться в кузнечном деле. Ну, если это предрассудок, предположение, то единственный ли он? Или имеются такие, что давно в нас закоренились, что перестали их считать?

Не знаю, хорошо ли, что это вспомнил сейчас или нет, мне так хочется, чтобы это узнал как можно раньше, а с другой стороны, услышал бы раньше это или пропустил мимо ушей? А сейчас во мне тлеется очень сильный голод.

Хотя и течение тоже предрассудок, тогда боялся потока из-за его бурного течения, а сейчас, мне следовало провести время на лошадях, и почему-то, когда на лошади мчусь куда-то, то кажется, что свободен от всех проблем, и это случается лишь на быстрых лошадях, тем быстрее, тем сильнее облегчение. А может, те, кто любят течение, чувствуют то же самое — движение без силы, край прагматизма.

Но у всего имеется конец, жаль, к сожалению, что сейчас не у прагматизма, а у моих наслаждений. И мне пришлось спешиться и привязать лошадь к стойлу, и хотя в ней, как и в моей крови, ещё бурлила потребность в скорости, всё же был вынужден подчиниться.

— Вижу, тебе пришлось по душе медьерская лошадь, — заботливо говорил со мной конник. — Как говорится, самая быстрая на свете.

— Как вы догадались или просто сказали наугад? По мне, она не отличается внешне от других пород.

— У вас в жилах течет кровь правителя, а у меня — конника. Нас буквально с детства учат определять все возможные тонкости пород. Это ты видишь перед собой просто лошадь без отличительных примет, а мои глаза видят кисбера — известную лошадь из страны Медьер. Хотя большинство конников не отличаются от тебя. Лишь те, кто любит своё дело, будут отличаться.

Но нашу беседу прервала она...

— Ты лошадь точно привязал к стойлу? — заботливо-навязчиво спрашивает мать.

— Да-да, — пытаюсь скрыться от разговора, отвечаю ей.

— Вечно твои «да-да», и что потом оказывается? — сверхназидательно мне она продикутовала. — Вечно мне за тебя краснеть. Дай лучше пройду, проверю за тобой. Когда ты уже наконец вырастешь? — полушепотом добавила она.

Волочась из стороны в сторону, думал про себя: «Тебя не переубедить, это мы с тобой уже многократно проходили». Немного пройдя вперед, обернулся посмотреть, где же она. Но нет, она опять развязала и завязала по-своему! Как стыдно, как неприятно, вот провалиться бы сейчас сквозь землю.

— Ну, кто так завязывает! — возмущенно моя мать кричала, возвращаясь ко мне. — Опять на свой хлипкий узел, благо завязала его нормально. Ты ведь знаешь своего отца, и ты понимаешь, что это дорогой конь из Медьера! — обхватившись за моё плечо, мне назидала мать.

— Как день прошёл, было ли что-нибудь интересное? — любезно поинтересовался ее судьбой, смотря прямо в её глаза.

— Ничего, обычный день, — с легкой улыбкой ответила она.

— Эй, юноша, — сказал советник, неожиданно преградивший им путь, — тебя отец ждёт, это срочно.

И пока советник меня сопровождал до отца, у меня выкроилось время спокойно порассуждать, дабы скрасить рутинный подъем по лестнице.

Интересно, для чего меня сегодня вызвал отец? У меня сегодня имеется как повод похвалить, так и поругать, но за что в принципе ругать? Да, надеюсь, что это связано с недавним разговором с учителем по тактике, где он сказал, что у меня имеется к этому талант, нужно лишь усерднее работать над собой. А ему похвастался, что не зря читал про великих полководцев. Меня похвалил!

Войди один, — сурово перебил мои рассуждения советник. — Таков приказ.

— Отец, представь, сегодня впервые оседлал сам лошадь, да какую, из Медьера! — воодушевленно, заикаясь, ему произносил.

— Давай сразу к делу, — безразлично покашливая, отвечал он мне. — До меня дошли сведения, что ты увиливаешь от охоты на рабов, — всё более осуждающе он начинает на меня смотреть.

— Ах... это... — начиная слегка и незаметно ломать себе запястья руки, пряча их вниз, — мне кажется, вернее для меня... для меня одного... это... это... дикость, — невнятно произнёс ему, так что аж проглатывал окончания слов.

— Что?! Для тебя это дико?! — прокричал отец, резко вскочив со своего трона. А затем, видимо обратив внимание на мои руки, успокоился и вернулся на свой трон, сделав вид, что этого не видел. — Понимаешь, это ритуалы, это стиль нашей страны. Пусть враг боится и не действует, для этого мы и увешаем границы костями, для этого охотимся на своих рабов, для этого пьём из черепа убитого врага.

— Очень уважаю ритуалы, отец, но...

— Не ври мне! — грозно выкрикнул отец. — Ты проиграл экзаменационный турнир, — стукнув так сильно по поручню своего трона, что у меня чуть не остановилось сердце. — Ну как так! Он же даже был куплен! Ты даже его проиграл. Ты подвел 70 династий! Великий Нугнар, когда объединил наше страну на арене, что прокричал, хотя бы это помнишь?

— Да, кто выиграет турнир, в том живёт кровь правитель. А кровь правителей не может проиграть, словно на миг убив в себя всё живое, — ответил ему.

— Никаких «но»! Мне твой учитель всё передал, когда ты выходил на бой. Ты потратил последние минуты на какой-то бред. Ладно, что проиграл, но ты выходил без интереса, это меня убивает сильнее всего! Послушай, тебе пошёл навстречу по твоим книжным интересам, дал учителей с самым большим стажем, взамен попросил лишь проявить уважение к тому, что мне важно, и что в итоге? Лишь слышу от простолюдинов, как ты подкарауливаешь людей в лесу и пристаешь с неприличными вопросами, вон один теперь вообще боится идти, прежним путём. Ты мог стать историком, полководцем или ученым, ну что в итоге? Ученый хорошо тебя характеризует лишь, выделяет агрессивные националистические наклонности. Тактик пишет, что желание унижить и самоутвердиться за счёт противника изрядно превалирует над холодной головой. Какой из тебя полководец? Историк вообще низко оценивает твои познания в мифах, а это тебе ведь нравилось.

— Просто теряюсь в точных науках.

— Это история, какая это тебе точная наука?! Не знаю, может, ты и правда не мой сын. У меня не может быть такого. Ты мне всего больше напоминаешь не мою династию, а... а последнего из Бунддеброков.

— Но...

— Никаких «но»! Ты вышел из всякой меры. Уйди с глаз моих долой! Стража, запретите его в любой комнате. Только увидите его — быстро!

где живёт иностранец?

У меня было много времени, ведь отец сдержал своё слово. Хотя и видел жизнь лишь с улицы, не сказал бы, что меня это как-то удручало. Честно, порой забывал, что они закрыли дверь, будь даже она открыта, вряд ли воспользовался бы ею.

Времени не замечал, благо меня снабдили книгами различных сражений. В них и вчитывался, проводя весь день, особенно захватывающе было читать про победы, когда за окном чувствовали очередного генерала с победой. Словно рассказы оживали: эти крики, аплодисменты, всеобщее ликование. Да, именно этого мне не хватало, хотя рассчитывал на это, когда смогу победить на арене.

Правда, иногда окно, наоборот, разрушало мой мир, когда очередные какие-то жители поднимали вопрос, а законный ли из меня наследник. Ведь каждый будущий правителей побеждал. И что, случилось, если кровь династии и победителей испортилась, или он не родной, а что, если этот знак и он нас всех погубит?

Меня не задевали, не обижали такие разговоры, но ненавидел их за разрушение моего мира. От прочтения книг чувствовал себя уверенней, а эти напоминания, будто просто не прошёл отбор. В таком ритме готов был провести всю жизнь. То ли чувство вины меня подталкивало к самонаказанию, то ли просто не хотелось возвращаться к этой теме. Но честно, задавая себе вопрос: а было бы по-другому, если бы победил? Не знаю, до сих пор лишь отвечаю.

После той битвы потерял уверенность, как будто бы поспорил с кем-то, что солнце завтра, как и всегда, взойдет, а оно не взошло.

Но всё изменил день, когда появились стражники с приказом привести меня в порядок. Забавно, привести меня в порядок — это значило вывести меня из моего порядка.

Пока меня наряжали во что-то нелепое, жутко неудобное, советник мне поведал причину моего освобождения хриплым голосом: «Ты должен произвести впечатление на юную особу знатных кровей».

А затем мы с ним несколько часов репетировали, как правильно нужно отвечать и вести себя с девушкой. Эх, надо было просто забрать у них пергамент с правилами, а не вечно переспрашивать. Столько времени знакомился с информацией на глаз, что перестал воспринимать на слух, но он, видимо, это принимал за мой нарушенный рассудок.

Только придя, сразу сажусь на свободное место, как удачно оно оказалось напротив двери. А гости уже встречали первого. Не знаю, кто он, но выглядит необычно. Но ему говорили: «О, пришел эстет и любитель искусства, прямо-таки пигмалионец к нам пожаловал!»

— Нет-нет, — отвечает ему второй, — ты присмотришься, видишь, как он держится обособленно от нас, он же истинный кеси!

Имитируя поедание супа, наблюдаю за пришедшими гостями. А ко мне кто-то подсаживается и начинает комментировать громко проходящее. Мне непонятно, то ли он уже напился, то ли у него заложило уши.

Приход герцога он прокомментировал словами: «Ой, ну надо же, ты всё-таки пришёл, а то всё работаешь и работаешь, прямо как мирмидонянин! Признайся честно, они были у тебя в роду».

А герцог ему ответил: «Конечно, неутомимо работаю, чтобы заработать себе на корабль и отправиться к своим». — После чего тот рассмеялся.

Заходит какой-то граф, а за ним сразу барон. Сосед сразу встречает их словами: «Ты что не на войне? Ты ведь воюешь лучше, чем сами тарьяны». А после поворачивается ко мне и шепчет на ухо: «А вот с этим бароном будь поосторожнее, его хитрость сравнится с кеси».

За ними последовал какой-то пугливый человек, что постоянно оглядывался, его встречали словами: «Ты смотри-ка, сам родился не в Кере, а всё время чего-то просишь».

Заходит пятый гость. А сосед комментирует его появление: «Этот непрошибаемый словно сооружение ньеков. Как-то взяли его в осаду на переговоры дней на десять, и что ты думаешь? Не пошёл на уговоры, раз бросил пить, значит, бросил, чёрт, из-за него и пропала вся рыбалка».

Заходит шестой гость, точно не знатный человек, его появление комментируют следующими словами: «Нет, да что ты, ты бы ещё голым пришёл, твоя любовь к первоначальному не сравнится даже с медьерами».

— Но может здесь, ты сбросишь свою дисциплину, ты, незаконнорожденный пешградец? — начал сосед выкрикивать уже седьмому гостю.

А тот с иронией отвечает: «Дисциплинированность придает цены в чужих глазах».

Мне показалось, что он так и будет отвлекать своими криками меня от внутреннего и нерешенного вопроса, поэтому повернулся к нему и вежливо произнес: «А вы, не устали ли?»

— Нет, ты что! — резко возразил он, мои слова не приняв всерьез: — Перед тобой же потомственный житель Кюрта, мне велено судьбой быть глашатаем.

Мне хотелось ему сказать, но он вновь отвлекся и его куда-то позвали вдаль.

Да и только своих сородичей ты с легкой руки сравнил с другими племенами. Ой, как же устал от этих сравнений: если ты трудолюбивый, то обязательно мирмидонянин, если воинственный, то тарьян, если крепкий и надежный то ньек, если ненадежный или попрошайка то обязательно кера. Если общительный то кюртанец, если обособленный то кеси, если дисциплинированный то енё, если любитель естественности то медьер. В этом нет логики. Ну, трудолюбивый человек и что, сразу мирмидонянин, как будто только они могут быть трудолюбивые.

Но со мной начал беседу подсевший ко мне человек. Он представился путешественником. Отметил во мне думающий взгляд, что привлекает в здешнем месте своей исключительностью,

— Исключительность? — начал ему говорить ворчливо. — Что исключительно может быть, кроме души? Ищите эксклюзивность, или намек на душу. Люди, вы же называете пешградцем, мирмидонянином своих сородичей, разве уже это не говорит о том, что критерии различия неверны?

— Кстати, эти замечания имеют под собой основания, — обратился ко мне путешественник. — Знаешь, объехал множество стран, и везде были смельчаки, юмористы, пессимисты, тунейдцы. Но не было таких стран, например, страна юмористов или других.

Если убрать показную шелуху у каждой страны, то всегда будет один набор людей. Даже остров Бессмертия из предания, там тоже один и тот же набор людей. Просто из-за разности взглядов властей одним будет легче жить в одной стране, другим — в другой, но то, что все живут везде, нельзя отрицать.

Вижу по твоим сомневающимся глазам, ты мне не веришь. Хорошо, давай так: чтобы страна юмористов существовала, должен хотя бы быть город юмористов, чтобы существовал город юмористов, должна быть семейство юмористов от первого до последнего, ты считаешь это реальным? По мне — нет. Ибо как же в семье не без урода. Но ведь имеются поколения людей с талантами, возможно, спросишь ты. Да, там ты просто тогда ещё молодой, у них не талант имеется, а связи их родителей. А при таких связях порой и разглядят талант. Ибо талант он у всех имеется. Просто у людей нет веры, чтобы начать разглядывать. Проблема в том, как заставить людей увидеть то, что ты или лишь только ты чувствуешь. Дело не в том, что у людей со связями нет таланта, а то, что их труды готовы разобрать в поисках его. А труды других так — пробежались, если глаз не зацепил, виноват автор, таланта нет, да и он вообще никто. И поэтому мне совершенно непонятно, зачем они возводят город памяти по затее, в котором будут жить лишь талантливые люди.

Или, смотри, ты родился в племени Енё, но по натуре ты юморист. Как тебе быть? Ты живешь там, ещё где всё по уставу, и атмосфера холодной хватки. Где там будет жить юмор?

И что тебе делать: остаться и шутствовать перед нищим и нелегально, или отправиться в страну юмористов и там себя реализовать? Второе, типичная ошибка юнцов. У тебя имеется только желание, и ты отправляешься в то место, где даже у нежелающих будет навык, кратно превышающий твой? Какие у тебя шансы? Итог: ты разочарованный отправляешься на родину, и служишь примером своему племени, что юмористом не быть. И находишь оправдание: ну, кровь не та, всё это культ — почвы и крови.

М-да, кровь не та — самое лёгкое оправдание. Неожиданно было слышать впервые мнение, что полностью совпадает с моим собственным, и не просто совпадает, а еще с аргументами. Что если культ крови и почвы это не опора, а претензия на монополию?

Но не всё печально, ты может, слышал о новомодном стиле, так его инициатор любил говорить на своих речах, что любое творчество ограничено характером, душой. Но души не повторяются, хотя любой может быть любым. Условно говоря, в каждом из нас имеется и Гёте, и Низар, и Геракл. И мы можем стать ими, но придется многое, что отнять у нас. Ты можешь воплотить 2 процента своей души, что схожи с Гёте, но стоит ли ради этого заковычивать 98 процентов себя? Да и эти 2 процента, что? Нельзя стать Гёте, ибо в нём больше его самого, чем в любом из нас его. Иначе кто-то бы мог стать нами больше, чем мы сами, и тогда никакой самости нет. Сегодня ты Енон, завтра он Енон, и твои родители теперь его, а завтра уже третьи родители у вас.

— А в какой стране больше всего понравилось? — Ненавязчиво его спрашиваю.

— Конечно, в Амуроте. Это город баланса. Представь себе, не знаю, но они смогли как-то совместить монархию, аристократию и демократию. И в этом нашли баланс. Народ говорит, за них всё решает кучка аристократов. Они говорят, ими руководит царь, а он, в свою очередь, говорит, что у них люди принимают такие законы.

А вход в тронный зал узок, едва пройдет один человек, хотя если бы высота его стала шириной, туда спокойно вошли одновременно несколько людей. Сделано так, чтобы всякий входящий помнил, ибо царь один, а над ними проходят высшие силы. Выполнен из переливающегося золота, посмотришь на него и увидишь своё мутное отражение, да настолько мутное, что, засмотревшись, начнёт мутить тебя, и голова будет кружиться, словно перебрал ты с пагубным напитком. А от света из зала такая яркая, что за тобой порождается титаническая тень. Словно её, отдаляя от тебя, показывает, как ты далёк, чтобы войти туда. А внутри, как у вас, дорожка к трону ведёт, а по бокам её стерегут бесчисленные колонны, что собой удерживают потолок. А на троне восседает пустота, и больше ничего в той комнате нет. На колоннах на уровне глаз изображены картины, а потолок пребывает в вечном мраке. Ибо золото что под нашими ногами мутит наш рассудок. На уровне глаз, у нас всегда искусство, какое оно не было бы. Ну а небо в непроглядной темноте, ибо неизвестен замысел у небесных сил.

Там меня хотя бы приняли, а везде было одно и то же неприятие, если ты иностранец. Был в одной стране, а там захотел посетить, ну, выразимся так, двор удовольствий, а мне сказали: нет, это только для нас, а вы идите ищите дворовые варианты. А в других, наоборот, легче было быть туристом, ибо многое позволялось, лишь бы посещали вы вновь и вновь. Хорошо, что тебя не удалось почувствовать, что это значит быть иностранцем.

Нет, мне это удалось.

— А куда дальше ты держишь свой путь?

— Знаешь, побывал везде, кроме полусуществующих мест. Имеется такой остров, говорят, ступишь туда и станешь бессмертным, а находится он к западу от Амурота. И поговаривают, отшельникам запада удалось однажды до него добраться. Интересно, если люди одинаковые и этого не изменить, каждый смертный играет свою роль, то будет ли такое наблюдаться среди бессмертных.

Знаешь моё мнение? А что, если рай — точно такая же страна, как и любая? Ну, знаешь ли, раньше называли потусторонним миром и соединяли страну, до которой не добраться, но

которую видно. Ну подумай, что такое рай? Место, где все счастливы, — слишком обобщённо, не правда ли? Чем-то напоминает мне место, где все шутят, место, где все врут.

— Хочешь сказать, в раю несколько стран?

— Пожалуй, путешествие туда обернётся таким же разочарованием, как и в любую страну. Образ сменится рутинной, а рутина кардинально не отличается от места её ощущения. Ты как считаешь, какая изнанка может быть у рая?

— Ад, разве нет? — спрашиваю его.

— То бишь ад — это нищие, зажиточные в раю — так это получается чуть ли не любая страна.

— Но там по моральным принципам же?

— И что? А у нас — по родственным. И тогда что получается? А если власть в раю тебя развратит, то куда ты? В ад? А оттуда можно уйти? Если нет, то какая-то обманка века: за хорошее поведение ты попал в место, где возможны все блага, но нельзя иначе — ты попадёшь в ад, а оттуда уже нельзя. То бишь или будут нас выживать из рая, или вовсе не важно, где ты будешь вначале, там или там.

— Интересно, а если ты разочаруешься в раю, то тебе куда? В другой рай? И сколько их там, а конкуренция между ними имеется? Мол, самая святая душа поддерживает всё. А если их несколько, можно ли создать личный? А если центр его — наша личность, то почему он не может быть с нами здесь?

— Вот здесь ты как раз-таки не будешь сейчас, у тебя встреча, не оставляющая места для сомнения, — устало мне произнёс стражник.

— О, ясно, какие у тебя дела, не зря же принцесса приехала. Ну, удачи тебе.

Длинный коридор, ночь за окнами слева, а справа дорогие картины в сиянии свечей. И гармонию эту разрушают доносящиеся шаги.

— Вам не кажется, что это слишком сухое описание моей красоты?! — не довольствовалась всем видом принцесса, на мой сказанный комплимент.

— Нет, не кажется. Именно так вас увидел мой глаз, — с тяжестью в голосе произношу и слабозаметными намеками в мимике показываю своё безразличие к этому вопросу.

— Вы больны неизвестной болезнью, что отразилась на ваших глазах, раз вы отказываетесь замечать красоту вокруг себя, — назойливо продолжала принцесса.

— Нет, каждый видит по-разному. Вы способны рассказывать про любое место до утра, мне достаточно сказать, что мы шли по длинному коридору, — хоть говорил ей, но все же смотрел себе под ноги.

— А что напротив нас были картины ваших предков и стоят антикварные вазы, уж нельзя ли упомянуть ни слова?! — она всё продолжала возмущаться.

Вытерпевши и искренне удивленно произнеся: «А картины предков, где!? Ах, вот они», — посмотрев, бросив ненавязчивый взгляд вправо, где вроде бы что-то стояло.

— Серьезно, вы по этому замку ходите каждый день и не знаете, что висит у вас на стене? — сказала она небрежно. — Посмотрите на эти картины, сколько в них труда художника. Посмотрите на эту раму, а одеяния правителей, — начала перечислять элементы, что она видит.

Но сдерживался, чтобы едва не зазевать, пребывая душой где-то в другом месте, пока меня не вернула её фраза: «Неужели вы не видите этой красоты?!»

— Если честно, вижу в этих портретах лишь формальность.

— Как может человек видеть так сухо? — возмутилась она.

— А вы верите в баланс? Верите ли в то, что, не видя одного, можно увидеть другое?! Вы абсолютно правы, да, мне не суждено видеть этот мир, но не говорите, что не вижу красоту этого мира.

— Да, мне всё ясно про вас, вы не обращаете внимания на быт, ибо вам он ненавистен, вы от него бежите. Вы очередной мечтатель, которому мир затей и мыслей дороже реального.

— Не реального, а материального, это важно.

— Неужели вам всё равно, какая на вас одежда, какое время года за окном, что вас окружает?

— Если нет в этом смысла для меня, а лишь просто быт, то да.

— Но нельзя не обращать внимание на свой быт — это отражение вас, без него вы не познаете себя.

— Не согласен, быт — это просто необходимость, условность жизни для человека, который видит подобно мне. Вам кажется, быт отражает вас, а по мне, он обманывает вас. Вспомните, когда вы выбираете одежду, вы руководствуетесь эмоцией, не так ли? Но разве будете ли вы в этой эмоции всё время? Вы были грустны, когда выбирали платье?

— Вообще-то, была в радости! Разве не видно по его солнечным оттенкам?!

— М-да, — бросаю вскользь взгляд на её платье и лишь добавляю: — Но не суть. Но вы были счастливы, когда выбирали платье, а после всё может измениться. Вы можете быть грустны, веселы, печальны, глубоко подавлены, эмоционально раздавлены, сердечно опустошены, а на вас будет всё то же платье.

— Да вы оптимист! Хотя нет, обыкновенный мечтатель!

— Быт для меня — ложь и только. Отражение импульсивного момента. Мне интересна больше душа и её суждения о мире, там устойчивость воззрений, ибо платье можно сменить миг, а суждения так быстро не меняются.

— Быт для вас — ложь и только? Да вы совсем погрязли в мечтах, а может, уже теряете связь с реальностью.

— Может, и так, но что приобретаю взамен! — сказал ей грубо. — Как говорит мой отец: «Что-то теряя, мы непременно приобретаем». Даже будучи бездомным, мы приобретаем столько свободного времени. И... или стоит время безопасности? Стоит ли дом твоего времени? Если что-то приобретаешь, то неизменно теряешь, но мне больше нравится: что-то теряя, неизменно получаешь. Нельзя видеть одновременно моими и вашими глазами.

— Красота суждений и описание душ!? — произнесла она с лёгким презрением и откровенным неверием. — Очень точное сравнение, тогда, с бездомным и его свободным временем.

Успевая произнести лишь в голове, потому что дом — это наш быт!?

— Ну и скажите, мечтатель, о чём вы мечтаете!? Вновь о мире во всём мире!?

— Ну, почти... о военных походах во всём мире.

— Честно признайтесь, вы читали книжек о полководцах!?

— Да, — опустил голову, сказал ей с интонацией, которой признаются в тяжёлой зависимости.

— Ну, вы знаете, сколько там макулатуры надо описывать, каждый сантиметр поля боя, дабы получить согласие воплотить битву.

— Знаю... но вдруг... быть может, представится там случай, не знаю, пока не разбирал этот вопрос...

— Всё ясно, вдруг быть может — произнесла она пренебрежительно, перефразируя мои слова. Затем сцепила руки в замок, посмотрев на потолок с тяжёлым взглядом, словно там ища баланс. А через мгновение уставилась в окно и, не отводя взгляда, произнесла: «Тогда мне, пожалуй, пора домой».

Но сделав пару шагов от меня, затем вновь обернулась ко мне и произнесла:

— Разве вам не интересно, что за окном? Или у вас слишком туннельное зрение, не находите?

— Скорее, целеустремлённое.

— Видите цель и ничего вокруг?

— Если бы начал замечать, не был бы так сфокусирован на цели. — едва договорив отвлекаясь на молнии, что засверкали в окне.

— Ну, вы хотя бы молнии видели? — Так понимаю, вы опишете быт, только когда будете близки к свершению своей цели?

— Конечно, — говорю ей и про себя добавляю: они ведь освещают собой путь.

Вернувшись после неудачной встречи, обомлел, когда услышал от стола, за которым сидела мать, конец историю о том, как она видимо весело провела сегодняшний день.

— Представляешь? Такое может быть лишь раз в жизни. Никогда так не смеялась, — говорила она о чём-то своей подруге.

А мне ты говорила, что ничего интересного не произошло

— Тебе чего-то надо от меня? — потираливая меня мать, едва заметив, что к ней подошел.

— Мне хотелось с тобой поделиться новостью о жертве моего отца, но почему не могу тебе сказать... — мою речь прервала тяжелая рука отца на его плече.

— Живо в покои своего мужа, — произнес отец тоном, что не предполагает отказа. После чего мать резко встала из-за стола, не скрывая своей радости, мимоходом сказав мне: «Потом договорим».

А ко мне всё стали подходить с вопросом вам подлить, и хоть предлагали не туман, а воду отказывался, не могу принять этой привычки доливать до краёв. Поэтому поспешил удалиться. Ладно, ещё один день позади, стоит пойти спать, хоть и понимаю — возможно, это мой последний день был на воле. Хотя лучше бы этого дня и не было. А нет, встретил такого путешественника, как про него мог забыть? Но стоит ли одно положительное знакомство столько не положительных?

учиться, учиться дабы не смириться

На следующее утро меня разбудил советник. Не знаю, сколько спал, но мне трудно было встать с кровати, поэтому опирался на спинку кровати, а напротив меня, за маленьким столом, сел советник.

Он сказал: «Не беспокойся, ничего плохого с тобой не случится, если пройдёшь один тест, который снимет все вопросы. И да, то, что ты сонный, поможет ему стать более объективным».

Мне дали кольцо и сказали: «Ты можешь его взять, а можешь подождать час и получить два кольца». После чего он закрыл дверь, оставив меня одного наедине с кольцом.

Разве могу взять одно кольцо, когда можно два? А какое будет второе, никогда так и не узнаю. А может, потом предложат три? Соглашаться на первое предложение, как по мне, — близко к искушению, сдача без борьбы. Именно эти помыслы периодически одолевали и вытесняли затею взять одно кольцо. Когда час прошёл, пришёл стражник и сказал: «Молодец, что не взял одно кольцо».

Не знаю, от чего впал в уныние: то ли оттого, что меня уж совсем считают дикарём, ибо не могу представить человека, который согласится в подобном эксперименте на одно, то ли из-за того впал в уныние, что второе кольцо так и не показали.

Во втором испытании мне налили воду в ёмкость и спросили: «Она наполовину пуста или наполовину полна?» — с ещё большей резкостью огрызнулся, гримасничая от неприятия нелепости ситуации: «Конечно, наполовину полон! Как он может быть наполовину пуст? Это даже не звучит нормально! Вы что! Кто скажет, что он наполовину пуст, простите, но мне даже неприятно такое произносить! Если кто-нибудь скажет такую фразу, его можно спокойно отправлять в жёлтый дом, причём бессрочно».

Стражник начал смотреть в пол, пару раз вздохнул, а после с разочарованием в голосе сказал: «А мне ты начинал нравиться. Не быть тебе фроноасписом».

Но вопрос меня не оставлял даже когда вновь оказался один в своей комнате: как стакан может быть наполовину пуст? Может, это игры с двойным смыслом, но нет, стакан пустой всегда полон — или воздухом, или водой. Стакан может быть наполовину пустым, только когда вода будет от краёв до середины стакана, а от дна до середины будет пустота. Но разве может быть такое в реальной жизни? Нет, так и стакан останется лишь наполовину полным.

Может, это показывает, как ты смотришь на мир: через дефицит или через изобилие? Для одних вода убывает, и вот уже стакан пустеет, а значит, всё надо экономить, распределять, контролировать.

Одно фокусируется на распределении существующего, будто уже всё придумано, другое — на создании нового. Мир, где одни видят игру с нулевой суммой, где ставки ставят сами участники игры, и значит, проигрыш одного — выигрыш другого. Вторые видят, что могут выиграть все. Будто пришёл играть в карты, а там уже имеется выигрыш, и оставлен он не человеком, а природой или миром. Но ресурсы изначально принадлежат природе.

Может, стоит обратить внимание на акцент: наполовину пуст, то бишь он может быть полон. То бишь это спор про максималистов, которые стараются вытеснить условный воздух, чтобы заполнить делом. А что у нас попадает под категорию «воздух»? Мечты, романтизм, теории, отдых. Это прямо-таки какая-то эксплуатация стакана: раз он существует, должен работать на пределе.

Мне лично тяжело представляется стакан, в котором нет воздуха от слова совсем. Он ведь так или иначе с ним соприкоснётся. А нет, мне тяжело представить, потому что сам никогда не наливал до краёв, ну это ведь слишком нерационально, вкус выветрится, да и мало ли, попадёт муха в стакан, столько воды выливать. Да и разве ты выпьешь столько за один раз? А если нет,

то зачем торопиться и наливать то, что ты не выпьешь. Главное, зачем? Что за привычка всего побольше, а зачем — не важно. Когда себе наливаю, знаю цель — утолить жажду, а когда они до краёв...какая там цель? Себе побольше?

И это дикость, ибо полнота стакана — самое мимолётное явление. Зачем стараться, если через секунду ты сам всю полноту потеряешь. То бишь этот вопрос скрывает твоё стремление к жадности: если ты говоришь «наполовину пуст», он меня не достоин, надо больше, этого недостаточно. То второе, — но успев даже произнести в своей голове, как постучали из реальности:

— Ну, молодой принц, — начал тщеславно советник, — Ты понял смысл задачи про стакан, как теперь ответишь?

— Распробовал все возможные варианты, пришёл к выводу, что сказал правильно.

Но советник лишь посмотрел в пол и мне кажется, что у него вот-вот пойдет слеза. А последнее, что он сказал тогда, нервно постукивая ногой: «Не знаю, что хуже, что ты оптимист или что не догадываешься о том, что оптимист». После этих слов мне захотелось, чтобы он быстрее покинул комнату, у меня была острая потребность в одиночестве.

Из всех его слов меня задело «не догадываешься», будто это было так просто, будто не потратил ни секунды на суждения, и никак не мог оправдаться, ибо такого варианта у меня не было. А после всплыли его слова: «Ты так многообещающе начинал». Словно реванш, о котором просил, случился, и его не то что не взял, а даже не понял, что он происходит. Который раз начинаю многообещающе, а после люди говорят «м-да». Меня сильно задевает, что не могу понять, причем же здесь оптимист/пессимист. И в душе бушует реваншистское настроение. Но из арены у меня были лишь книги, которые отныне прочитывал с жадностью, которые отныне не просто учили, а оставались в памяти.

Когда-то был единый Север, и правил им король в течение 250 лет. Но спустя некоторое забвения у короля осталось 8 племянников. Каждый племянник во время его правления хотел стать значимым, чтобы его не путали с другими. Это сподвигло их быть нарочито разными. Но все же королю был близок каждый из них, каждый воплощал то, что ему было любимо. И король ценил эту индивидуальность.

Первый стал советником при короле, его поражало то, как одно слово может прекратить войну, а улыбка и обещание открыть любые ворота. Он любил, как один закон, сказанный под разными словами, может вызвать как бунт, так и восторг.

Второй из них стал капитаном, что был яростным и неудержимым, который видел, как слабаков поглощает океан. Он понял: лучше не сопротивляться стихии, а направить её ярость на врагов. Поговаривают, он был неуголим во всем: и в ярости, и в жажде открытий. Он видел, как корабль, подчиняясь воле человека, способен бросать вызов самой стихии, самому океану.

Третий стал главным оружейником. Его забавляло, как ничто, лишь в определенной форме, при остывании принимает форму. Он видел в дисциплине не ограничения, а ту форму, позволяющую хрупкому человеческому телу стать частью чего-то великого. Чего-то несокрушимого. Он видел, как бесформенное в ежовых руках становится чем-то полезным.

Четвертый стал архивариусом и целыми днями проводил во всех библиотеках, а после забавлялся, рассказывая про то, что вычитал, и дивился их искреннему удивлению. Порой это переросло в некую надменность. И вот он стал отстраненным. И люди его сторонились, и он сам людей сторонился, боялся, что те заражат его неведением.

Другой стал главным архитектором. Он наблюдал за тем, как стена не разделяет, а оберегает людей. При этом сам сторонился людей, словно возводя стену между собой и другими. И, как он говорил, что только в тишине создаётся простор для искусства.

Шестой стал исследователем, изучавшим просторы там, где другие боялись ступить, скованные предрассудками. Он с твердой решимостью вступал туда. Любое открытие начинается с шага в пустоту, подобную бездне. Он любил, когда решительность сметает предрассудки. Но, живя в мире, где на это способен лишь он, всё же поддался искушению требовать оплату. Его любимой фразой было: «Открою это, ставя свою жизнь под угрозу. В случае победы нам достанется всё, в случае поражения пострадаю только сам. Несправедливо, не так ли? Платите и молчите».

Седьмой был стратегом. Он испытывал восторг, когда сложнейшая ситуация подчинялась законам закономерности. Известно, что он любил тиканье часов и падение яблок. Он находил красоту в безупречной логике, что опоясывает мир. Всё предсказуемо. Особенных успехов достиг в шахматах, где ничто не может пойти непредсказуемо.

Восьмой был явным подражателем стилю своего отца, но не изменился, когда кочевники стали вести оседлый образ жизни. Он говорил, что это неестественно. Только он знал, насколько огромен их мир. Он ценил свободу и лошадей. Он полюбил то, как один человек может нести весть от заснеженных гор до морей.

Поэтому, когда царя не стало, некому было восьмого успокоить. А его гнев всё возрастал с каждым днём, и вот уже некоторые перестали обучаться езде на лошади, а стали использовать её как сельскохозяйственный инструмент. Символ свободы использовать как инструмент. Позже он вычитал, что их народ переводится как «человек говорящий». А как человек может быть рабом земли? Он взял верных ему людей в контексте естества и удалился в пустынную местность, объявив её территорией Медьера, где они свободно перемещались и ничего не возводили.

Поскольку эта местность находилась между народом Дьярмата и Кера, первые смогли нещадно озолотиться, ведь теперь товар доставлялся в другие страны по флоту, что было их специальностью.

Видя разрыв, народ, впоследствии назвавшийся Амуротчанами, иммигрировал с севера, вызвав его раскол, ведь именно этот народ, когда пришёл к нам, и дал нам технологии и знания. Уходя, он всё же воздвигнул стену-границу. На пограничье оказался народ Ньека. Не чувствуя поддержки, он возвёл свою крепость-город, что разросся, и вот уже страна-крепость ожидает атаки как со стороны Амуротчан, так и со стороны соседей, которые после ухода начали делить территории. Это был народ Енё и Тарьян. Одни славились воинами, вторые — полководцами. В итоге племени Тарьян удалось захватить большую часть территорий. За время войн племя Кер успело озолотиться, снабжая солдатами для удержания спорных территорий ту и другую сторону конфликта.

А народ Кеси ушёл в местность на болотах. Первоначально это было движение партизан против раздробленности, но вскоре приобрело статус ведения войн.

Но со временем народы Кюрта и Дьярмата стали дистанцироваться друг от друга. Дьярмат стал более заинтересован в наживе, тогда как Кюрт, хоть и переводится как выюга, но ведь же другой перевод гласит: «Духовный инструмент из рога крупного скота». Или иначе не склоны мы к деньгам.

Другие племена тоже стали друг от друга дистанцироваться, и дабы её подчеркнуть после гибели единого короля, было выдвинуто положение, что никто из правителей не может величаться королём. И потому правителей Ене называют миндисами: у Медьер — иппоархей, у Ньека — креповеки, у Кеси — тенодаи, у Тарьян — весовидцы, у Кера — тезисарген, у Кюрта. — фроноаспис.

После некоторые люди отделились от каждого племени, провозгласив себя новыми Амуротчанами, и ушли в центр материка, где организовали новую империю.

Интересно получается: то бишь люди, будучи партизанами, наемниками, полководцами, пехотинцами, объединились и создали самое могущественное царство, возможно, за все время. И разве у Амурота снизилось качество конницы по сравнению с Медьером? И самый главный вопрос: если завтра образуется новое царство, то какая у него будет индивидуальность? Или мы сами назначаем эту отличительную черту, а после паразитируем на ней?

фронеаспис: бразды рутины

В тот день проснулся рано. У меня, по всей видимости, начиналась обычная простуда, ибо было ощущение, что нос вечно упирается в холод. Хотя, не будь её, проснулся бы тогда от переполоха, царящего вокруг. В последний раз такая паника была, когда случился пожар. Ну и, думая, что спасаюсь от огня, покинул свою комнату. Лица стражников были растерянны, но, видимо, они понимали или чувствовали, что опасность исходит не от меня — мог спокойно пройти, лишь ловил косые взгляды советников. Тогда считал, что это от моей наглости. Не было запаха огня, никто не выбегал наружу, наоборот, все поднимались к фронеаспису. Тогда в моей голове царил лишь одно оправдание — объявлена война.

От этой затеи весь светился, а как иначе, вот она, реальная возможность реабилитироваться за испорченность крови, или хотя бы почувствовать, каково это — быть на месте полководца. У входа в покои фронеасписа столпился народ, они кричали наперебой: «Это правда, это правда!», но стражники стеной не пускали никого. Лишь меня пропустили, и в тот день как никогда уверенно открыл дверь, а там было это... полуобнаженная, ревушая мать на коленях и лекарь, вставший с колен, холодно ворчавший: «Его сердце не выдержало, видимо, он слишком переусердствовал». Мне втайне мечталось, чтобы этот день настал, но не так скоро. Ещё он вчера он ходил, ворчал, был полон жизни, а сегодня... стал таким, каким будет всегда.

Так совпало, что мой нос чувствовал холод, и, как ни странно, именно тогда он ощущался сильнее всего, будто меня, как щенка, силком ткнули в смерть.

Дальнейшее, что помню — свою инициацию, тяжесть на плечах от накинута медвежьей шкуры и вручение мне письма моего отца с последними пожеланиями на случай чего.

Ни в коем случае не устраивай положенных почестей, когда меня не станет, как бы тебя ни отягощало это — да, это же великая честь для меня, это показатель твоего уважения и признания, но не надо. Почему... почему? Потому что плохо тебя воспитал. Молись, чтобы долго правил тогда, — говорю тебе, наверное, покашливая, стоя у тебя за спиной. Знай, что обнимаю тебя не как бродящую душу. Ладно, иди, поди, там уже пир начался или скоро начнется. Хотя, нет, что-то добр к тебе. Нет, на тебя нет никакой надежды, не достоин ты короны, но и на меня уже нет никакой надежды. Что же, если наследника нет достойного, возможно, ещё успею его создать, если не успел или в живых остался только ты, то тогда рад, что не увижу, как ты хоронишь реальность в гробу своей мечты. Это же, сколько мне людей будут завидовать, что не увижу этого! Спасибо, у меня всегда останется шанс, что ты станешь если не великим, то хотя бы не позорным. А у других такого шанса не будет. Оставь меня около костра пару дней или недель хотя бы просто полежу на нём.

Советник, вручивший письмо безмолвно, дал понять, чтобы весть сама собой не распространилась на всю страну; рассудительнее будет не сжигать тело, а оставить в гробнице. Скоро мы его перетащим туда, а пока выполним его волю полежать на том костре.

В тот день только советник был рядом, вводя в курс дела быта, да и мать, что страховала, то перебивая советника, то его дополняя, но их мало слушал, был занят видом пола, в котором отражался сам, правда отражение было мутным из-за лучей заходящего солнца.

Мне до сих пор стыдно, что вся свита восприняла моё положение как глубоко сочувствующего своему отцу, это при разговорах о некровном родстве, но мне мать заменила его с лих-

вой, а роль вечно кем-то недовольного и ворчащего под ухом с успехом исполнил советник. Лишь неожиданная смерть близкого да свалившееся влияние на события выбивали меня из колеи. Хотя да кого обманываю, меня тяготил быт, а теперь в него погрузился сполна. Раньше быт был где-то впереди, где мечты, а сейчас он пришел в мою жизнь без них.

Уже на утро ко мне зашла делегация выбрать ткань для новых праздничных костюмов, так начался управленческий быт.

— Ваше величество, нужно выбирать сукно, от этого зависит квота на овечью шерсть, — прагматично произнес один из них.

На мой простой кивок они выстроились в ряд, и каждый держал бархатную подушку, на которой был образец. Трогая различную шерсть, лишь на той остановился, что напоминала мне по ощущениям пергамент. Ту и указал им, даже не смотря на неё.

— Это прекрасный выбор, просто великолепный, а теперь нужно разобраться с красителями, — сказал также прагматично главный из них. — Вам предстоит решить, какой из оттенков меньше выгорает на солнце. Но помните, что нужно учесть...

Дальше его уже не слушал, тогда ещё за окном слышались крики возобновившегося боя, стук палок, подсказки со стороны тренеров. Когда вернулся из приятных мечтаний, он всё продолжал свою монотонную речь про эти ткани. Уже перестал понимать некоторые термины: то ли они из ткачества, то ли из экономики, то ли он просто начал бредил и сочинял слова, а может, проверял, не сбредил ли сам?

Его манера общения словно с тобой не общаются, а шумят грубой и навязчивой музыкой, заглушающая тот звук, что дает жизнь мечтаниям. Потерпев его немного из вежливости, понял, что он видимо не понял намека, поэтому и сказал:

— Уходите.

— Но постойте...

— УХОДИТЕ!

Но его уход не вернул мне тот мир; события за окном давно закончились, да и настроение от моего крика испортилось. Спустя время, которое провёл, наблюдая в окно в надежде на повторение того настроения, ко мне привели заключенного по резонансному делу.

Только разбирая первый листок, диву давался: насилие, убийства, мошенничества в крупном размере, чье количество в объеме поспорит с качеством. Хотел сделать подобно палачу: казнить да и всё, и не будет столько дел. Но советник сам обрубил меня, подобно палачу:

— Если казнить, мы его признаем виновным, а значит, с нас потребуются компенсация за все года. Он сфабриковал какие-то выборы. Нам нужно переназначить выплаты победителю, второму месту выплатить возможные убытки из не лидерского положения, а также моральную компенсацию. А это были ежегодные выборы, и таких накопилось не один десяток. Но и непризнание мошенничества также принесет ущерб всей стране.

Проглотив комок, спросил его: «А как же его взяли тогда?».

Советник все так же холодно отвечал: «Он знает всю монотонность процедуры, но совесть замучила, вот и признался. И сейчас он под арестом любителю видом моря на своей вилле. Арестуете — публично прославите на весь мир».

Сколько ни прикладывал усилий и порывов, монотонность оказывалась сильнее. Каждое дело надо было рассматривать отдельно. Решил начать с мелких, а при разборах они оказывались крупнее. Так и искал помельче, да не нашёл. А в крупных делах увязал то и дело в юридических мелочах.

Упускаю время — вот что меня стопорило. Не верю, что это несет смысл. С этим справятся и без меня. А, беря время на то, чтобы отвлечься и восстановиться, забивал себе голову мыслями о том, сколько всего можно было узнать, а не заниматься этим. Быт оказался страшнее, чем предполагал. Дело не в тяжести, а в монотонности и безынтересности дел.

спор двух культур

Сегодня у меня как-то разболелась голова, так же разбалчивалась, когда резко менял режим сна и бодрствования. Но должен был выслушать ещё одного посетителя. Тем более он жаловался, что это вопрос чрезвычайной важности. Он громко хлопнул дверью, на что ему сказал вести себя потише, но он продолжил шуметь, на сей раз своей речью.

— А теперь о героях современных книг — кто это? — говорил он с предельным возмущением. — Сброд малоприятных личностей, с которыми опасно даже находиться рядом. Антипаты — вот кто они. И вот про этих должен читать? Хотя, может, это прогноз, мол, раз уж сейчас молодежь отбивается от наставлений старших, то через пару лет у нас будут вот такие герои. Но если это смысл, то надо как-то плавно подводить читателя к этому. А то складывается впечатление, что читатели не видят в том ничего плохого.

— Давайте ближе к сути — прошу его взглядом, держась за голову.

— А вот ещё повесть о войске пешградцев в космосе. Но это же настоящий бред! Вижу по вашему взгляду, вы не читали, и правильно делали. Группа пешградцев отправляется в космос, где сталкивается с неким монстром, после чего они оказываются оторванными от мира. И начинается это?! Это?! Они начали убивать ради ресурсов, начался каннибализм и другие неприглядные вещи. Это нереалистично! Это же не группа новобранцев, а элита, в которую годами вбивали, как действовать в экстремальных ситуациях. Его защита мне говорит, мол, космос, новый стресс, и неизвестно, как люди себя поведут. Но их же обучали в самом Пешграде в столице Енё! И вообще, почему люди считают, что людское и аморальное поведение — это норма при кризисной ситуации и безвыходном положении! Видимо, судят по себе. Значит, они подобно этим персонажам будут в трудной ситуации или ныть, или пожирать друг друга. С героями, изображенными классикой, мне так приятно и интересно себя ассоциировать. А этот бред считают новой классикой!

Он так бурно говорил, мне кажется, если бы голова у меня не болела, она бы заболела. Слегка выдохнув, заметил, что голова чудом начала проходить, и ему спокойно ответил:

— В школе нас тоже вдумчиво учат, но неучи же появляются. Это иллюзия системы: 1000 обучили, у 10 получилось, на них и акцент. И мне кажется, здесь в этом и был смысл: как ни «натаскивай» дисциплиной человека, суть его не изменить. Ты можешь выдрессировать собаку как человека, но разве это сделает её человеком? Дисциплина — это всего лишь ширма. Ну не верю, что насильно можно чему-то научить. Можно научить говорить, что на ответ $2+2$ будет 4, но будет же молчание на вопрос $1+3$, и к чему тогда старания? И это торжество низвержения натаскивания. Можно трактовать, что они были животными, которых научили походить на людей. Вам встречались сказки про оборотней? А теперь представьте: люди отлавливают животных и учат их походить на людей. Вот к чему привел мир дисциплин: всякому сброду, показали, как казаться. Ключевое слово — казаться, а не быть людьми.

— Мне совершенно не хочется переживать за таких персонажей, не хочется с ними себя ассоциировать, их истории неинтересны. — неистово он продолжил, как будто и не было меня.

— Их истории неинтересны. Но литература такова, что ты и не должен себя с кем-то ассоциировать. Это дети начитаются про эльфов — вешают себе ушки эльфов, начитаются про волшебников — берут валяющиеся ветки и представляют, что это волшебные палочки. Литература выросла, а вы нет, раз продолжаете себя с кем-то соотносить. Это не про вас, а про людей и реальность. Те, кто читает только про то, что им близко, ведут себя шаблонно, ибо других людей упрощают. Нельзя. Ты веришь, что людей можно натаскать, по сути, оправдываешь насилие, якобы ради благих целей. Значит, веришь, что культуру можно насадить, вдолбить в головы. По сути, то, что ты мне предлагаешь сделать. Но смотри, оглянись назад: как ты ни пытался, уже созрело то, что назвали новой классикой. Все твои старания прошли

зря, вот главная причина твоего недовольства. Видимо, тебе тяжело принять новую классику, ибо принять её значит отказаться от убеждения, что культуру можно насадить. А под этим предлогом ты защищал то, что тебе, возможно, и близко никогда не было.

А почему ты считаешь, что культура не навязывается империалистически? Да потому, что сам был в её оковах, и мне она внушала, что у меня нет страха, а он был, и что выиграю соревнования, а их проиграл, хотя честно старался. Собственно, как ты ни навязывай культуру, она рассыплется в прах при встрече с реальностью. А реальность быстро меняется. Про это и велась речь про пешкоградцев в космосе. Там была новая реальность. И культура не выдержала столкновения с ней. И любопытно, признанный мастер, как ты, в этом так долго разбирался, а мне хватило пару минут. Значит, это действительно новая классика.

Смысл того произведения был если дать людям свободу, отсеются звери, что превосходно прятались под личиной людей. А эту истину называют хаосом.

— Сколько самолюбования!

— Так, не отрицаю, что, может быть, и сам являюсь зверем. Но предельно уверен, что явятся те, кто останутся людьми. А под дисциплиной мы проводим геноцид настоящих людей. Дисциплина не сделала людей лучше, она дала жизнь тем, кого должны были выставить на мороз уже давно.

— Вы против культуры, и что вы предлагаете вместо?

— Концепцию. Что же ещё? Ведь культранизму противопоставляется концептивизм.

— Это разные слова.

— Они оба от слова "культ", а мне противен культ крови и почвы.

Несмотря на мои старания, он все же остался при своём убеждении, а мне предстояло встретиться с обвиняемым. Решив воспользоваться его опытом, спросил про тот рассказ, про звезду. Но едва ему пересказав произведение, которое сильно меня впечатлило, он уверенно сказал: «Там была не звезда, знаю это произведение, там была бабочка». Он, дал мне название и восполнил недостающие фрагменты. Но как так, что виной всему стала бабочка? Мне казалось, звезда, комета, и был в этом многократно уверен. Это что же, получается, ошибочным может быть даже то, что кажется абсолютно верным. Это так логично ложилось в суть, но ища кометы и звезды, не мог наткнуться на бабочку и вспомнить прошлое. Но он это направил в своё русло: «Вот как ошибались здесь также и в нашем споре!»

После его ухода прозвучал вежливый стук и вошел мужчина, весь промокший, и вода с него впечатляюще падала на золото.

— Можете не волноваться, принял вашу сторону, — говорил ему, располагая его голосом к себе — Что у вас?

— У меня проблема, — говорил он властно, будто к нему пришли. — Видите ли, перед вами... писатель

— И в чём проблема? Не хватает сюжетов?

— С людьми нельзя начинать разговор с заранее очерченным кругом их проблем. Но вам будет не понять, что значит, когда тебя подавляет общество и любое твоё стремление.

— Какая у вас цель?

— Заработать имя, да такое, чтобы при взгляде на стиль под него подстраивались, а не меня загоняли в рамки. Чтобы читатель подумал: «Ну, это такой авторский стиль изложения», а не: «Ну, здесь ошибка, там неточность, вот так нельзя, это не делается». Свобода самовыражения ведет к прогрессу.

Писатели — те люди, которые пересказывают людей, но маскируют их под правду. Хотя это всегда было и остается лишь их видением ситуации. Они говорят, в ваших пробах нет абсолютного зла, а им говорю: писатель — эксгибиционист души, поэтому бойтесь тех, кто пишет про абсолютное зло, ибо они живут в таком мире, где оно имеется. Поэтому в сказках так часто

встречается тема зла, их писали люди, которые действительно верили, что оно существует. Позже начали заменять это серой моралью, мол, можно понять и оправдать, а что будет после?

Мне много раз говорили: «Семь раз отмерь, один раз отрежь». Вот почему людям самим не взглянуть на одну проблему шесть раз, но нет, сейчас в моде быстрота. Они говорят: «Пиши, как живешь», а потом сами ругают за медленное действие, сами же жизнь приучили так проживать: «Вначале подумай 100 раз, и один раз соверши, а не наоборот». А сами требуют: «Один раз скажи и многократно необдуманно действуй!». Говорят, мол, много монологов, ну так если всю жизнь обдумывал про себя, ясно дело, в монологах провел всю жизнь. Говорят: «Почему нет имен», ну так в одном произведении дал 3 имени в итоге читатели в них и запутались.

Мне кажется, когда что-то подробно описывают — это упрек фантазии обывателя. Мол, смотри, мол, всё тебе разжую, ты не знаешь, как выглядит комната принца? Получай! Это разжёвывание не сложного, а простого, и, по мне, это чрезмерно неуважительно. Особенно, если это сказано просто так. Если ничего не сказано, то, по мнению автора, ничего в этой комнате не оставило отпечаток на характере персонажей или их решениях.

Да, были писатели, которым изменяли рыжие девушки. И что из этого вышло? Все описывали изменниц исключительно рыжими. Но ведь напрямую рыжий цвет не связан с натурой изменщицы. И дабы не было таких ошибочных казусов, искренних или нет, нет нужды указывать элементы одежды. Мне так нравится одноголосие в произведении. Ибо ты видишь, что автор оставил попытки подражать миру. Почему они так действуют? Да кто его знает. Вообще, для меня идеальным будет то произведение, в котором ты читаешь диалог, и тебя не покидает ощущение, что один человек задает вопрос и он же на него отвечает. Что это скажет об авторе? Что он сам способен задавать себе вопросы и сам же на них отвечать, а не делегировать кому-то из окружения эту роль.

Вот, к примеру, писатель наделяет сверхположительными качествами проституток, и сразу начинаются разговоры о морализаторстве и прочей чепухе. За этим скрывается лишь то, что критик не разбирал, а иллюстрировал. Но если посмотреть на эту историю не как на реальность, а как на видение реальности, и задать вопрос: почему автор делает проституток положительными персонажами? Не показывает, а именно видит. Может, потому что он не слишком удачен у девушек, и проститутки — единственные, кто с ним соглашается. Разве может тот, кого приняли лишь проститутки и грубо отвергли обычные девушки, отзываться о них негативно?

И вот настоящее искусство: автор берет то, что существует само по себе (проституток), проводит через себя и показывает свое видение. В этом и заключается искусство — показать свое видение, а эти моралисты словно забыли или не отличают субъективное и объективное. Если был один создатель, то это всегда будет чрезмерно субъективным. Если в людях настолько отбили рассудок, что они не могут этого понять, нужно заострять, акцентировать, что это именно его интерпретация. Актер не живет ролью, он её интерпретирует. Хотя нет, театр это союз актеров, примеров, режиссёров, сценаристов, это уже ближе к объективности.

— Ты ведь писатель, могу дать совет. Ты посмотри на это не как на работу над именем, а так: ты далеко от страны своей мечты, и скажи мне, как ты собрался за тридцать земель вводить войска? Ты не работаешь на имя, а просто приближаешься к заветной цели. Но если рассеивать свой талант то там, то тут, для заветной мечты не хватит сил. А ты считаешь, что война бывает без жертв? Нет, с теми, с кем ты шёл в поход, не дойти до конца. Но ведь ты не сооружаешь войско из новых стран? Дело не в тех, кого потерял, а в тех, кого сохранил и что сохранил. Просто будь собой, и всё придёт со временем.

Раздается смех поэта, который усиливается эхом, и лишь затем он говорит: «Меня давно так не смешили. Твоё сознание охватывает некая затея, но ты всего лишь писатель. Где-то через год ты опишешь её в книге. Где-то через 5 лет она станет общедоступной. Через лет 7-8 с ней ознакомиться понимающий. Через пару лет вы встретитесь, где он задаст свой уточняющий

вопрос, который поможет тебе самому понять свою затею. Но вот будешь ли ты через столько лет охвачен тогда же, как тогда? Это было бы подобно описанию человеком, переживающим свои чувства своей первой любви, через 15 лет, человеку, который находится в той реальности, где ты только-только признался в своих чувствах. Проблема в том, что если бы тебе тогда, хотя бы в течение пары лет, задали бы точно такой же вопрос, ты бы на него ответил сполна. Это вам легко... вы можете сразу воплощать любую затею: захотели соорудить мост и уже завтра начали».

Никогда бы об этом не подумал, что волей случая наделен такой властью. Властью скорости. И что же с ней творю? Уже завтра могу начать воплощать свою мечту, а что в итоге? Откладываю на потом, откладываю на случай. А был бы сейчас простым моряком, но наделенным такой же мечтой? Мне было бы ещё сложнее. Так почему бы не посчитать, что уже первый шаг был сделан, пусть и за меня, пусть и судьбой. А если представить, что не получил царство, а завоевал его, вот он — первый шаг — получить ресурсы для выполнения мечты.

Нет, всё враньё, у меня был бы опыт. А если представить, что меня заключили в темницу как главного зачинщика, а кто меня вытащил? Спас тот самый предводитель, не переживший бой. Чем ситуация отличается от моей? Хорошо, через пару лет, когда восстановил последствия восстания, так бы же сидел и сомневался? Да, там боялся давления ответственности: человек пожертвовал своей жизнью ради меня одного.

И вот нахожусь в той реальности, где нет такого давления жертвы, в реальности, где нет нужды подниматься, чтобы что-то начать. После этих слов мне уже как-то неловко продолжать бездействовать.

— Это ущемление юношеского порыва, правило имени, — своими словами резко возвратил он меня из раздумий. — Знаешь, что полностью высказаться можно лишь через десятки лет от начала первого делания. А юность — это время силы, дарованное природой на устранение признаков старости. И многие её просто теряют, а не используют по прямому назначению. Не смогут сейчас дальше, точно будет хуже. И разве такой один? Нет! Как сложно жить в мире, где ценится оригинальность, и вместо того, чтобы её поставлять, приходится себя калечить.

Говорят, всё могут короли. Всё могут проверенные короли, которые завоевали наше доверие, но не юные, то бишь новые. Быть собой — это та степень доверия, которую нужно заслужить. А почему так важно нам доверие, разве не от страха смерти? Будь вы бессмертным, вам было бы всё равно на доверие.

И даже если правитель вынужден кем-то притворяться, то что уж тогда говорить об остальных? Для кого вы притворяетесь? Для народа? Не потому ли, что недавно престол занимаете и, не имея имени, вынуждены его себе зарабатывать, зарабатывать, не будучи самим собой? Обрубать себя, калечить, не зная, каким ты станешь в итоге, калечить себя на веру, что получишь имя, ибо оно нам дается не с рождения, а обществом.

Должен признать: меня всегда привлекали сражения. Мне имеется, что там выразить, ибо война — это тоже вид искусства. Но если её объявлю, меня свои же повесят. Пойдут разговоры о моем неблагоразумии. А если буду хорошим правителем, то со временем мне общество позволит побыть самим собой и хотя бы вначале её оправдает.

Но насколько сильно травмирую себя, пока получу эту возможность? Но ведь никто не знает, кто и когда помрет. Стоит ли горбатиться ради шанса, когда времени на его воплощение может не хватить?

Мне осталось ему пожелать верить в себя и не унывать. А он заметил мой взгляд: «Вижу, вы задумались над моими словами, а значит, и вы мне не поможете, ибо вы только начали усваивать, а для меня это уже как говорить в старости о первой юношеской любви».

А мы с ним ровесники и мечтаем об одном, но в разных плоскостях. И ещё юноша перед ним, а он уже старик, сколько же времени потерял в быту.

А он всё продолжал: «Мои мечты, надежды и разочарования дарованы мне высшей силой, то ли как наказание, то ли как дарование. И хоть мне и удалось каким-то боком получить поощрения от судьбы, то бишь от реальности, всегда помню тех, кому не удалось. Ибо нас с ними различает случайность, не более того».

Никогда не задумывался, что можно приравнять судьбу и реальность в таком контексте: мечты — это вызов своей судьбе. Если ты моряк, то якобы скован своей судьбой, но в мечтах ты можешь преодолеть эту судьбу, хоть на время стать тем, кем желаешь быть, а не кем назначила тебя судьба. И, быть может, со временем накопится сила для её преодоления. И пусть реальность чаще побеждает, но ведь кто осмеливался сказать, что судьба — проходной противник? Меня порой забавляли фразы о схватке с судьбой, и вот мне выпал шанс с ней сразиться, без всего лишнего.

На прощание он мне сказал: «Кто цепляется всеми силами за жизнь — или гниёт, или мертвец; лишь тот, кто презирает смерть, живет».

величие с полупустым содержанием

Когда он ушел, уже начинало темнеть, и с облегчением должен был предвкушать момент начала сна. Но не мог заснуть, мучил один вопрос, одно сравнение: в споре с писателями был полностью на стороне молодого, но ведь живу по принципу того старого. Может, поэтому не смог ему помочь? Живу по принципам старого мира, хотя ничего не добился в нём, в отличие от его жителей. В том споре один добился, второй хотел добиться, один был сытым, второй голодным. И всё логично, кроме меня: ведь сам хочу добиться и тем не менее живу подобно сытым. Голодный, но притворяющийся сытым, ради чего?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.